

Я люблю свою работу?

Ксения Ласкун

Ксения Ласкиз

Я люблю свою работу?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094675

Аннотация

Яблоко от яблони недалеко падает. Но она смогла стать приятным, по ее мнению, исключением из этого правила: семейный очаг и потомство меркнут в сравнении с перспективами карьерного роста и совершенствованием на профессиональном поприще. Серые офисные будни играют всеми цветами радуги, заветная цель – повышение в должности – уже не за горами. Осталось сделать последний шаг, но у судьбы свои планы на ее счет. Первая часть романа о любви к работе, дружбе с коллегами и об отношениях с мужчинами.

Содержание

Пятница, 01.02.2013	4
Суббота, 02.02.2013	38
Понедельник, 04.02.2013	41
Четверг, 07.02.2013	48
Пятница, 08.02.2013	56
Суббота, 09.02.2013	63
Воскресенье, 10.02.2013	74
Понедельник, 11.02.2013	79
Вторник, 12.02.2013	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ксения Ласкиз

Я люблю свою работу?

Пятница, 01.02.2013

– А сейчас я хочу представить всем нового директора Департамента страхования корпоративного бизнеса – Варнас Марию, – произносит Петрович, наш генеральный директор, и жмет мою руку.

Со всех сторон раздаются овации, а я стою на сцене в длинном черном платье, расшитом золотыми нитями, и довольно улыбаюсь: наконец-то свершилось! Как прекрасен этот момент!

– Поздравляю, Маш, – говорит мой непосредственный руководитель – Виктор Рябинов. – Ты заслужила. И сделка с «Оушен» это еще раз доказала.

Да, конечно, сделка с «Оушен» – моя самая большая победа. Какая я, однако, молодец! Кто-то включает до боли знакомую музыку, с каждой секундой увеличивая громкость. Что за мелодия? Похоже на... На... На звонок будильника!

Открываю глаза и понимаю, что я – вовсе не на сцене, а в своей кровати, и повышение в должности – не что иное, как сон. Остается только надеяться, что он сбудется, потому что

если меня не повысят в ближайшем будущем, то я сойду с ума. И зачем только три месяца назад Петровичу взбрело в голову создать департаменты?

Включаю ночник и поднимаюсь с кровати: сегодня важный день, поэтому нельзя терять ни минуты. Должность директора департамента уже совсем близко, осталось только сделать последний рывок – заполучить в клиенты «Оушен» – корпорацию, входящую по капитализации в топ-100 российских компаний (54-е место по итогам 2012 года). И не видать мне этого клиента, если бы не Алексей Константинович Кузнецов – вице-президент «Оушен» и давний друг моего папá.

В очередной раз гостя в доме моих родителей, Алексей Константинович за ужином обмолвился, что весьма недоволен работой корпоративного страховщика: долго возятся с немногочисленными убытками, неоправданно завышают тарифы и вообще – ведут себя, порой, неподобающе расслабленно. А еще – имели неосторожность отказать в направлении на ремонт личной машины президента к интересующему его дилеру, из-за чего тот взбеленился и поручил подобрать другого страховщика, который бы не посмел позволить себе подобную наглость. Это нелегкое бремя легло на плечи Алексея Константиновича, от чего он, мягко говоря, в восторге не пребывал. Конечно же, я сразу предложила свои скромные услуги в столь щепетильном вопросе! На протяжении месяца мы согласовывали все условия, и вот – сегодня финальная встреча: президент «Оушен», к моему глу-

бокому сожалению, все-таки решил поучаствовать в процессе. Я нервничала, но Алексей Константинович заверил, что желание президента – простая формальность и все пройдет гладко. И посоветовал мне сделать ярко-красный маникюр, убрать волосы в пучок и надеть что-нибудь из синей цветовой гаммы, ибо президент «Оушен» – фетишист, поэтому мой внешний вид сможет окончательно усыпить его бдительность и поспособствовать принятию положительного решения. Если с красным маникюром проблем не было, то с гардеробом дела обстояли сложнее – однотонных вещей ни одного из оттенков синего в нем не имелось. Ввиду внезапности назначенной встречи я не успела воспользоваться услугами ателье, поэтому несколько вечеров подряд провела в магазинах. Это было сущим адом: если мне нравился оттенок, то не нравился покрой, и наоборот. И вот вчера, в десять вечера, я увидела короткое платье-футляр насыщенного синего цвета с рукавами $\frac{3}{4}$, и оно даже идеально село по фигуре – небывалая удача, которую я восприняла, как знак свыше: встреча с «Оушен» пройдет идеально.

Невзрачное пятиэтажное здание, обитое серой плиткой – это и есть офис страховой компании «Х», в которой я тружусь с 2006 года. Последние три года – в должности начальника управления страхования крупного бизнеса. Долго же я задержалась на этой позиции! Но сегодня все должно измениться. Лишь бы только президент «Оушен» удовлетворил-

ся результатом моего труда... и моим внешним видом! Не зря же я так старалась!

Машина припаркована напротив входа в офис, но я не спешу выходить: нужно еще раз прокрутить в голове заготовленный сценарий предстоящей встречи, еще раз повторить про себя, что ничуть не волнуюсь, еще раз изобразить невозмутимое лицо... С чего бы мне нервничать? Все пройдет как нельзя лучше, все будет хорошо. Достаяю из пачки сигарету, прикуриваю и затягиваюсь: легкие наполняются табачным дымом – я даже чувствую, как он клубится внутри меня. Задержав ненадолго дыхание, складываю губы трубочкой и выпускаю тонкую струйку белого дыма. Повторяю проделанное еще три раза, после чего тушу сигарету в пепельнице. Чтобы не чувствовать привкус никотина во рту, кладу на язык два мятных леденца и усиленно их рассасываю. Я не нервничаю, совсем не нервничаю...

Внезапный стук в окно заставляет вздрогнуть: не люблю неожиданности. Возле машины, переминаясь с ноги на ногу и кутаясь в странное фиолетовое пальто, стоит Петр Рязанов – начальник второго управления из трех в нашем департаменте – управления развития бизнеса. Петя отвечает за региональные подразделения, которые открываются с завидной частотой, поэтому работы хоть отбавляй, от чего трудоголик вроде него должен впадать в экстаз. Но в последнее время он отнюдь не весел: недавний развод оказался весьма болезненным.

Большой рот Рязанова расплывается в широкой улыбке. Петя всегда так улыбается, когда видит меня, и это утомляет – я неплохо к нему отношусь, но вовсе не собираюсь водить с ним дружбу. Однако корпоративная этика требует жертв, поэтому улыбаюсь в ответ и опускаю стекло. Морозный воздух сразу заполняет салон машины.

– Что-то ты припозднилась, подруга, – он зачем-то теребит черные волосы, и без того стоящие ежиком.

Продолжаю улыбаться, несмотря на то, что не в восторге от подобного панибратства. Какая я ему подруга?!

– Пришлось задержаться. Меня кто-то искал?

– Тебя всегда все ищут, ты же знаешь. Ты скоро? А то я замерз.

– Иди без меня: нужно сделать звонок. Встретимся в офисе.

Рязанов медлит несколько секунд, после чего разворачивается, быстро поднимается по ступенькам и скрывается за массивной деревянной дверью. Спустя пару минут выключаю зажигание и выбираюсь из машины – уже одиннадцать часов, пора бы и появиться на рабочем месте. Конечно, никто меня не отчитает (даже начальник), но не люблю опаздывать – всегда кажется, будто пропущу что-то важное, а я не могу позволить себе подобную роскошь – особенно сейчас, когда цель так близка... Я ведь так долго и упорно трудилась, проводя в этом унылом сером здании дни и ночи, будни и выходные, улыбаясь Пете Рязанову и ему подобным. Я даже

научилась не морщиться после очередной пошлой шуточки Рябинова! И я совсем не нервничаю...

С трудом открываю тяжелую дверь и, пока она не захлопнулась, успеваю проскользнуть в фойе. Серые стены в темно-бордовую вертикальную полосу – зрелище не для слабонервных. Не так давно воспаленный мозг главного маркетолога нашей компании – Олега Филиппова – явил ему во сне эту жуткую цветовую гамму, после чего состоялся ребрендинг. Вот только проводился он в один этап – рестайлинг визуальных атрибутов бренда. Видимо, о других этапах столь сложного действия Филиппов и не догадывался. По его мнению, изменение логотипа обеспечит столь мощный эффект, что клиенты выстроятся в очередь возле нашего здания. И именно поэтому мы должны быть во всеоружии – соблюдение корпоративной цветовой гаммы в интерьере офиса, а также в гардеробе сотрудников позволит закрепить неминуемый успех и вывести компанию на невиданный доселе уровень деловой активности. Пока что серо-бордовыми были только ужасающие стены в фойе и не менее ужасающие наряды сотрудников отдела маркетинга, но Филиппов грозился в обозримом будущем добраться и до плитки в уборных, и до цвета нижнего белья курьеров...

В ожидании лифта стараюсь не смотреть по сторонам и отвлеченно прокручиваю на безымянном пальце левой руки массивное кольцо. Ничего особенного – розовое золото и синий мрамор, но оно как нельзя лучше подходит к этому

платью, которое, кстати, могло бы быть и не таким коротким ввиду предстоящей встречи. . .

– Мария, Мария, – нараспев в ритме композиции Сантаны произносит мне на ухо появившийся, словно из-под земли, Георгий Шаров.

Гоша также трудится в нашем департаменте в должности начальника управления страхования среднего и малого бизнеса. Правда, «трудится» – довольно громко сказано. Всю работу выполняет его заместитель, Любовь Петровна Мосницкая, величаемая «Моськой» ввиду созвучности прозвища с фамилией, миниатюрных размеров и крайне громкого голоса. Пока Моська несет на своих хрупких плечах груз управления, Гоша развлекается, как может: алкоголь, клубы, девушки и все остальное, положенное по статусу двадцатисемилетнему отпрыску богатых родителей и по совместительству племяннику одного из учредителей компании «Х». Впрочем, за своих подчиненных он всегда горой: повышение в должности, увеличение оклада, бонусы – этого всего добивается именно Шаров. В его управлении всегда царит непринужденная обстановка и веселье, что не мешает сотрудникам выполнять план.

– Ты меня напугал, – со всей строгостью произношу я.

– Да ладно? Не думал, что ты из пугливых! – и он ода-ряет меня своей фирменной загадочной улыбкой, способной обезоружить любого, точнее, любую.

Сколько сотрудниц компании «Х» потеряли голову от его

больших серых глаз, в которых играли тысячи чертей! И каждая из них считала, что ей непременно повезет и именно на ней Шаров остановит свой выбор и поведет к алтарю... Или хотя бы встретится тет-а-тет еще разочек. Но Гоша отличается завидным непостоянством и вовсе не собирается обременять себя даже жалким подобием обязательств. Что самое странное – все сотрудницы компании «Х», отправленные в отставку после ночи-другой, по-прежнему считают его настоящим джентльменом и продолжают премило с ним общаться.

– Оставь свои приемчики для девочек с ресепшена, – устало вздыхаю. – На меня это не действует.

– Да ладно?

Легким движением руки он убирает с глаз длинную челку и заискивающе смотрит на меня, но я лишь морщусь в ответ.

– Совсем забыл, что ты кремень, – разочарованно произносит Гоша и прячет руки в карманы по-пятничному казуальных ввиду свободного кроя и насыщенного баклажанового цвета брюк. – Я удаляюсь.

– Ты разве не только что пришел? – изогнув бровь, интересуюсь я.

– Да ладно? Я вдруг вспомнил, что у меня встреча. Передай Моське, что буду к обеду. Пока, крошка Мэри!

И прогулочным шагом, все еще не вынимая рук из карманов, он уходит. Когда меня повысят до директора департамента, я займусь его дисциплиной! И в первую очередь отучу

его называть меня этим идиотским прозвищем! Если, конечно, повысят... Нет, никаких «если»! Сделка с «Оушен» у меня в кармане, а, значит, и повышение тоже!

Оба лифта застряли на пятом этаже. Да что там вообще происходит? Сговорились, что ли... Разворачиваюсь на 180 градусов и быстрым шагом направляюсь к лестнице. Выбора нет – придется подняться на четвертый этаж пешком. Занятия в спортзале не прошли даром – даже несмотря на никотиновую зависимость и десятисантиметровую шпильку (высокий каблук – обычное дело) я достаточно бодро шагаю по ступенькам. Быть может, это привычка – только вверх, полный вперед, ни о чем и никого не жалеть (в том числе и себя, даже когда очень хочется). Ну, наконец-то, четвертый!

Тяжелая железная дверь внезапно распахивается – я еле успеваю отскочить.

– Ой, – произносит Виталик, сотрудник Рязанова. – Простите, Мария.

«Ненормальный», – думаю я, но вслух ничего не отвечаю и, окинув своего почти убийцу недоброжелательным взглядом, прохожу в коридор. Возле стойки ресепшена стоит Филиппов и объясняет двум седым мужчинам, на каком расстоянии друг от друга должны быть расположены бордовые полосы. Он, как всегда, более чем корпоративен – начищенные ботинки цвета мокрого асфальта, серые зауженные брюки и бордовый кардиган на светлосерую сорочку. С одеколоном, как обычно, переусердствовал – даже за несколько мет-

ров улавливается запах кардамона. Увидев меня в вопиюще некорпоративной гамме, Филиппов разводит руками.

– Мария, как ты можешь? Я так на тебя рассчитывал! – вскрикивает он и тяжело вздыхает, чтобы я ощутила весь ужас своего отвратительного и непростительного проступка.

Его собеседники удивленно осматривают меня с ног до головы, дабы понять, что же вызвало праведный гнев Филиппова.

– У нас корпоративный стиль! – сообщает он. – Это крайне важно, понимаете? Именно поэтому полосы должны находиться на определенном расстоянии друг от друга, чтобы создавалось впечатление...

Я стараюсь абстрагироваться и не слушать его. Быстрыми шагами пересекаю ресепшен и, открыв дверь из матового стекла, оказываюсь в длинном слабоосвещенном коридоре. Мимо пробегающая парочка практикантов чуть не сбивает меня с ног. Это уже слишком!

– Где-то пожар? – возмущаюсь я. – Куда торопимся?

Они останавливаются и опускают глаза в пол, как будто незатейливый узор черного кафеля таит в себе ответ на мой вопрос.

– В чем дело?

– Нас отправили в архив за документами, – словно пережевывая что-то, мямлит долговязый рыжий парень.

Если бы я не знала, что он всегда так разговаривает, то непременно оскорбилась подобным пренебрежительным от-

ношением к своей персоне. Но Афанасий не обидит даже муху. Как раз наоборот: почему-то всегда хочется защитить его. Возможно, причина кроется в его несуразной внешности: жидкие рыжие волосы, испуганный взгляд больших глаз (неужели меня всерьез стоит опасаться?), покрытые рубцами щеки (возможно, из-за оспы), худые и непропорционально длинные ноги (совсем как у паука, за тем лишь исключением, что ноги всего две). А еще: Афанасий вырос в детском доме. Несладко же ему, наверное, пришлось! А тут еще я со своими замечаниями... Чувство вины открывает один глаз и зловеще улыбается.

– Постарайтесь не убить никого, – произношу я.

Наконец я добралась до своего рабочего места, располагавшегося в первом отсеке опен-спейса четвертого этажа. Первый отсек считается привилегированным: во-первых, удаленность от входа в опен-спейс – мимо нас не проходят, к нам именно приходят; во-вторых, расстояние до стола сзади сидящего не стандартные два метра, а три; в-третьих, только один соседний отсек – меньше ушей и, соответственно, меньше утечки информации, что особенно актуально – девочки всегда громко обсуждают производственный процесс и не менее громко возмущаются (порой, не скупясь в выражениях). Поскольку в большинстве случаев их возмущения оправданы, то я снисходительно отношусь к такой особенности (отчасти, выходящей за рамки корпоративной этики).

Девочки – это мои подчиненные: Лидия Ландышева – мой заместитель, Ольга Ухова – начальник отдела развития бизнеса, Анна Безухова – начальник отдела сопровождения. Хотя, конечно, девочками их можно назвать с большой натяжкой: самой младшей, Ане – двадцать восемь, а старшей, Ландышевой – тридцать пять.

– Всем привет! – прохожу к своему столу, расположенному возле окна, и ставлю сумку на тумбочку.

Никто даже не оборачивается – все трое уставились в мониторы. С Аней все понятно – она работает, а вот Лида с Олей, закадычные подружки, изображают бурную деятельность. С моей стороны было верным решением посадить эту парочку спиной друг к другу, иначе они бы болтали все восемь часов рабочего времени.

– Ты не забыла, что с понедельника я в отпуске? – Оля все-таки поворачивается в мою сторону. – И я с семьей улетаю в Таиланд.

Любое упоминание «семьи» из Олиных уст вызывает у меня тошноту, потому что ассоциируется, в первую очередь, с ее деверем – неказистым Валерой. Никогда не забуду, как он, дыша перегаром мне в лицо, прошепелявил «Детка, ты супер...». Как можно было так напиться на детском празднике, устроенном в честь пятилетия собственной племянницы? А еще я никогда не забуду его танец под «Песню мамонтенка», которую дети пели в караоке. От воспоминаний по спине пробегают мурашки: сначала вверх, потом вниз.

– Я прекрасно помню о твоём отпуске с семьей, – наклоняюсь, чтобы включить системный блок, и еле заметно морщусь.

– Макс так ждет этой поездки! – Оля мечтательно закрывает глаза.

При упоминании ее мужа, Максима, меня начинает мутить. Мне довелось познакомиться с ним на том же злосчастном детском празднике. И зачем я туда вообще пошла?! Благими намерениями, как известно...

– Макс хочет отдохнуть... – томным голосом продолжает Ухова, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не запустить в нее степлером, тем самым приведя ее в чувство.

Зачем постоянно говорить о своем муже в таком тоне? Пусть даже Оля – упитанная простушка с более чем заурядной внешностью, а Максим – хорошо сложенный, более чем привлекательный (я бы даже сказала – красивый), обходительный и воспитанный – словно сошел с обложки женского журнала, где под его голым торсом красовалась надпись «Мужчина мечты». Какое кому до этого дело? Снова морщусь, вспоминая, как на протяжении треклятого детского праздника Ухова при первой возможности хватала мужа за разные части тела своими маленькими пухлыми ручками, а он снисходительно относился к ее шалостям и даже позволял теревить себя за щеку, при этом жадно пожирая взглядом Ландышеву. Еще бы! Ее более чем откровенное и по-сему неуместное для детского праздника платье стало объ-

ектом внимания всей мужской половины ресторана. Кроме, конечно же, жуткого Валеры, провозгласившего меня дамой сердца в тот день...

– Он, что, устал? – интересуется Аня, не отрываясь от монитора.

Ухова сразу же возвращается из мира грез. Ее густые брови сдвигаются, огонек в глазах угасает, а губы превращаются в тонкую линию. Интересно, она осознает плачевность своей ситуации или же просто оскорблена замечанием Ани? Не сводя с нее взгляда, вешаю пальто на спинку кресла и сажусь за стол. Оля хватает розовую кружку, несколько секунд вертит ее в руках, очевидно, обдумывая дальнейший план действий: сходить на кухню и налить себе кофе или швырнуть кружкой в обидчицу, чтобы той неповадно было задавать глупые вопросы. Конечно же, Максим устал! И совсем неважно, что он не работает (и никогда за свои тридцать четыре года не работал). При таком загруженном графике, как у него, устанет любой: спорт (тренажерный зал, бассейн, футбол, баскетбол, волейбол, бадминтон); многочисленные курсы (китайский язык, 1С, управление персоналом и тому подобное); семинары (спасение популяции уссурийских тигров, становление личности, проблемы глобального потепления, применение нетрадиционной медицины при лечении гастрита и так далее); встречи выпускников (детский сад, школа, колледж, институт, опять же – курсы китайского языка и 1С); баня с друзьями (столь многочисленными, что

даже трех раз в неделю не хватает, чтобы попариться со всеми знакомыми хотя бы раз в год).

Оля, впрочем, не отстает от любимого супруга по количеству увлечений: работа (как можно больше, и даже сверхурочно, и даже, временами, без выходных); хлопоты по дому (готовка, уборка, стирка, глажка и остальные бытовые радости); возня с ребенком (садик, спортивная секция, прогулки и детские праздники); походы в магазин (продукты, бытовая химия, гвозди, новый чайник, земля для цветов и детские игрушки)...

– Да, устал, – поджав губы, отвечает Ухова и ставит кружку на стол.

– Кто бы сомневался, – парирует Аня, продолжая стучать по клавиатуре.

Оля меняется в лице. Мне всегда ее жалко, особенно в такие моменты, поэтому спешу вмешаться в разговор и перевести тему:

– У меня скоро встреча в «Оушен». Думаю, можно распечатывать договор и собирать визы.

– Так уверена, что они согласятся? – Ухова округляет глаза.

– Да, – отвечаю я, как ни в чем не бывало, хотя с трудом сдерживаю волнение.

– Крутое платье, – задумчиво произносит Аня, осматривая меня с ног до головы. – Вечером на свидание?

– Нет.

– Нет... – она вздыхает и отворачивается.

Аня почему-то всегда очень радеет за мою личную жизнь – возможно, ввиду полного отсутствия собственной. Пепельная блондинка с большими голубыми глазами, спрятанными за очками в причудливой оправе, высокая и стройная, но скрывающая фигуру в мешковатой одежде преимущественно черного цвета – займись она собой, выглядела бы вполне достойно. Но Безухова всецело отдается работе, без отвлечения на свой внешний вид и последние модные тенденции. Ее не волнуют даже бесконечные сплетни, витающие по опенспейсу – поразительное самоотречение во благо компании! Интересно, надолго ли ее хватит? Сможет ли природа взять свое? В любом случае, это не так уж важно и на мое отношение к Ане никак не повлияет: Безухова будет нравиться мне любой – хотя бы за ее прямолинейность.

– Почему нет? Мы с девочками с нетерпением ждем твоей следующей свадьбы! – Лида заговорщицки улыбается, переглядывается с Олей, после чего обе начинают звонко смеяться.

– Ха-ха, – передразниваю я.

Шутки не по протоколу – отличительная черта Ландышевой. Ей неоднократно говорили, что до добра это не доведет, но Лидочка (так ее все называли) никак не могла успокоиться. Два года назад она так дошутилась на прежнем месте работы, что ее уволили одним днем. В остальном Лидия Ландышева – компанейская личность, способная соби-

рать вокруг себя массы и надолго удерживать на себе их внимание. Она даже неглупа, но на должность моего заместителя ее назначили отнюдь не из-за деловых качеств: с четвертым размером груди мало какой интеллект может потягаться! Лидочка всегда хорошо выглядит: уложенные рыжие локоны, словно только что из салона, идеальная кожа, неброский естественный макияж, аккуратный маникюр. Но, несмотря на прекрасные внешние данные и богатый внутренний мир, у Лидочки не ладится личная жизнь: потискать ее и весело провести время хотят многие, а вот жениться – никто. По этому поводу она сильно переживает, о чем неизменно сообщает, но надежды на светлое будущее не теряет. Как по мне, так в тридцать пять уже можно расслабиться и наслаждаться тем, что есть.

Открываю электронную почту и с недоверием смотрю на экран монитора: двадцать семь сообщений – подозрительно мало для пятничного утра. Обычно пик активности приходится именно на этот день, и непременно до трех часов дня. Потом все готовятся к выходным: кто домой, кто к любовникам, кто в паб. Ну, или практически все. Например, я сегодня вернусь в офис и буду редактировать горе-презентацию, которую на скорую руку ввиду приближающегося отпуска состряпала Оля. В момент созидания она наверняка представляла, как взявшись за руки с мужем, бежит в тайский закат, оставляя позади суету большого города, домашние хлопоты, работу...

– Виктор идет, – шепотом произносит Ухова и снова переводит взгляд на монитор.

Мой начальник – Виктор Павлович Рябинов – мировой человек. Для избранных – он просто Витя, для подчиненных – Виктор, для подхалимов – Виктор Павлович с обязательным произнесением каждого слога в отчестве, для завистников – в лицо – Виктор Палыч, а за глаза – Рябина. Мне повезло: вхожу в круг избранных и называю его Витя – в глаза и при коллегах, а также, когда хорошее настроение. В остальных случаях – Рябинов.

Витя – отец большого семейства. Его прекрасная жена, Алена, так увлеклась деторождением пятнадцать лет назад, что до сих пор не может остановиться – она и сейчас беременна, уже четвертым ребенком. Рябиновы живут в большом доме в двадцати километрах от Москвы. Между прочим, по Новорижскому шоссе, потому что Вите нравится только это направление и никакое иное. Его мама, Алевтина Николаевна, живет с ними и помогает Алене по хозяйству. Что примечательно, свекровь с невесткой – лучшие подружки. Они не только вместе возятся с детьми и ведут семейный быт, но также ходят по магазинам, салонам красоты, выставкам, театрам, ресторанам, и даже частенько вдвоем выбирают отдыхать! Никогда такого не видела! В это время дети изводят няню, домработницу и водителя. А Витя крутится, как белка в колесе, зарабатывая на все это великолепие. И надо заметить, что количеству оборотов в минуту, прокручивае-

мых им в этом колесе, позавидует даже самая бойкая белка. Хотя внешне он совсем не похож на белку. Скорее, на коалу: невысокий и крепко сложенный, круглое лицо, маленькие глаза и широкий нос.

– Привет. Пока ты ехала, я успел обойти весь этаж, – он улыбается.

– Была на маникюре, – демонстрирую левую руку. – У нас встреча в «Оушен», не забыл?

– Черт! – он хлопает себя ладонью по лбу. – Скажу Насте, чтобы отменила совещание!

Конечно, он забыл, что не удивительно: хорошая память – явно не конек Рябинова. Секретарше даже приходится напоминать о приближающихся днях рождения его близких родственников.

Быстрым шагом он удаляется, а Лидочка с Олей снова поворачиваются друг к другу.

– Маш, ты удручающе действуешь на Виктора, – произносит Лидочка. – Он все утро травил нам анекдоты, а как только увидел тебя, сразу же убежал, – она разочарованно вздыхает, но, встретившись со мной взглядами, сразу же замолкает и снова утыкается в монитор.

Если бы Ландышева не была всеобщей любимицей, я бы давно ее уволила! В число ее обожателей, к моему сожалению, входит и Рябинов: на новогоднем корпоративе они целый час отплясывали под Gipsy Kings, после чего Лидочка зажала его в гардеробной, намекнув, что ради начальника го-

това на все. Не знаю, чем бы это закончилось, не будь меня там. Впрочем, в тот вечер Лидочку не смутило мое присутствие: у меня на глазах она чмокнула пьяного Рябинова в щеку и, недвусмысленно виляя бедрами, удалилась. Он хотел было последовать за ней, но я напомнила о трех детях и прекрасной супруге, ожидающей его дома. Подействовало безотказно – он собрал-таки волю в кулак, и мы уехали с места проведения шабаша.

На следующее утро Лидочка поняла, что дала маху, позвонила мне и принялась списывать свое неадекватное поведение на действие «волшебных пузырьков». Если бы я тогда выступила с инициативой на тему ее увольнения, гонимый чувством вины Рябинов не стал бы возражать. Но теперь момент был упущен, ведь хорошая память – явно не его конек.

– Ландышева еще жива? – интересуется Аня, продолжая стучать по клавиатуре. – Стало подозрительно тихо...

– Очень смешно, – Лидочка обиженно надувает губы.

Я зловеще улыбаюсь: всегда приятно осадить эту фифу. И дело вовсе не в четвертом размере ее груди! Просто она слишком вызывающе себя ведет – вот и все... Тщеславие довольно жмурится и хлопает в ладоши: поделом ей досталось! Будет знать, как с нами связываться! Здесь наша территория, и пусть Ландышева не пытается расчистить себе дорогу огромным бюстом – в этой неравной схватке ей не победить. Она, определенно, меня раздражает и, без сомнения, это взаимно. Хотя, если подумать, Лидочка не такая уж и плохая

– просто мне претят ее манеры. Сначала я думала, что привыкну, но прошло уже два года, а иммунитет к ее беспардонности так и не выработался. Быть может, не все еще потеряно и когда-нибудь я даже не обращаю внимания на очередную выходку Ландышевой?

– Маш, ты весь день в офисе? – раздается рядом голос Рязанова.

– Петя, привет, – лилейным голосочком произносит Лидочка и поправляет складки оранжевой плиссированной юбки.

Ни для кого не секрет, что она положила на него глаз. Ума не приложу, что же в более чем заурядном Пете так зацепило Ландышеву, но после его недавнего развода она проявляла небывалую активность. Вот только все было зря – очевидно, в раннем детстве Рязанову вкололи вакцину против большого бюста, а, быть может, он все еще тосковал по жене, которая оставила семью и укатила в Мурманск с каким-то пограничником.

– Маша уезжает на переговоры, – отвечает Аня, не оборачиваясь.

– Вернешься в четыре? У меня встреча с крупным клиентом из Омска, хотел, чтобы ты поприсутствовала.

Рязанов смотрит на меня тем самым щенячьим взглядом, после которого ответить отказом приравнивается к смертному греху. Тщеславие довольно потирает ручонки и надувает щеки от важности: Петя в параллельной должности со

мною, но всегда просит помощи в сложных вопросах. Разве это не признак моей сверхкомпетенции, и сверхдружелюбия, и сверхготовности помочь? И разве все эти сверхчерты не свидетельствуют о том, что только я могу претендовать на должность директора департамента страхования корпоративного бизнеса? Когда уже, наконец, Рябинов это поймет?

– Хорошо, вышли мне на почту всю информацию – посмотрю в пути.

– Спасибо, Маш, – Рязанов улыбается. – С меня обед.

Боковым зрением замечаю, как Лидочка недовольно дует губы. Пусть знает, что не всегда достаточно четвертого размера для достижения заветной цели! И что она все-таки нашла в Пете?

Мобильный телефон начинает ерзать по столу: Рябинов напоминает, что пора отправляться в «Оушен». Эта встреча должна стать финальным аккордом на пути к новой должности. Если он не сделает соответствующие выводы и немедленно не повысит меня, то устрою скандал с шантажом – я уже решила. В конце концов, мне должно воздаться по заслугам!

Витя стоит возле стойки ресепшена и о чем-то увлеченно беседует с секретаршей – брюнеткой с непропорционально большими губами (думаю, здесь не обошлось без помощи косметолога). Секретарша хихикает: заместитель генерального директора снизошел до принужденного общения с ней. Догадываюсь, о чем она сейчас думает: побольше оскал,

поглубже декольте, покороче юбка – и дни за стойкой будут сочтены, ибо Рябинов пристроит на тепленькое местечко, где она будет посиживать и получать зарплату, не особо утруждая себя выполнением должностных обязанностей. Завидев меня, она замолкает и опускает глаза: ни для кого в компании не секрет, что я состою в приятельских отношениях с его женой.

– На ком поедем? – спрашиваю я, подойдя к стойке и смерив секретаршу негодующим взглядом.

– Конечно же, на мне! Не собираюсь ловить все кочки. Купила бы себе взрослую тачку, а не эту игрушку.

И чем не угодил мой новенький Mercedes SLK? Смотрится в разы лучше его BMW X5! Тщеславие сразу же рассыпается в проклятьях: у нас – самая лучшая в мире машина, как он посмел поставить сей факт под сомнение?!

– И места в ней маловато, – добавляет он, когда мы ждем лифт.

Ах да, чуть не забыла: на размерах у Рябинова пунктик! Начальник любит все большое – большая машина, большой дом, большая семья, большой кабинет, большой письменный стол, большая зарплата...

– Виктор, потрясный костюм, – загадочно произносит мимо проходящая Лидочка, премило улыбаясь.

Ну да, конечно: и большая женская грудь! Неужели он действительно взял Ландышеву на работу только из-за ее внушительных форм?!

Офис «Оушен» выглядит впечатляюще: двенадцать этажей из темно-зеленого стекла, главный вход, украшенный по бокам высокими кипарисами. В этом здании, расположенном в центре Москвы, даже есть трехэтажная подземная парковка, куда Алексей Константинович заказывал пропуск на мою машину. Я предупредила начальника, но он лишь отмахнулся и пообещал, что «мы прорвемся». Желание прорваться у него отпало после того, как охранник вежливо сообщил, что черный BMW с такими номерами здесь не ждут.

Рябинов, чертыхаясь, паркуется где-то во дворах: теперь нам придется идти пешком до роскошного офиса «Оушен». На этом наши приключения не заканчиваются: вывалившись из машины, он умудряется наступить в фекалии, всплывшие чуть раньше положенного мартовского срока.

– Вот дерьмо! – злобно произносит он, осматривая подошву своего ботинка, сделанного на заказ в Италии и явно не приспособленного для суровых российских реалий. – Действительно, дерьмо!

Даже не смешно – Рябинов постоянно во что-то вляпывается, опрокидывает на себя или проливает – в порядке вещей.

– Надо бы вытереть, а то не комильфо на переговорах пахивать – уроним тень на репутацию компании, – достаю из сумки влажные салфетки и протягиваю ему.

Грязно матюгаясь себе под нос, он принимается вытирать

ботинок, а я гадаю, какие еще сюрпризы нас поджидают. Нет, я отнюдь не фаталистка – но день, определенно, не задался. Смотрю на часы – через пятнадцать минут у нас встреча, а тут он, со своим ботинком! И зачем я вообще его с собой взяла – и так контракт у меня в кармане. Всему причиной субординация: на встрече с президентом «Оушен» должен быть кто-то повыше начальника управления. Неважно, что вести переговоры буду я, а Рябинов – просто отсвечивать рядом: это ведь он – заместитель генерального директора. Конечно, если понадобится, то он вставит пару убедительных реплик, и даже если встреча пойдет под откос (при этой мысли по спине пробегают мурашки: вверх, потом вниз), сможет вырулить ситуацию. Все это, конечно, замечательно, но пока он пытается стереть фекалии вместе с подошвой своего ботинка, мы можем опоздать на самую важную в моей жизни встречу.

– Кажется все, – Рябинов морщит нос. – Куда мне теперь деть салфетку?

Да избавься ты от нее и быстрее пойдем: мы опаздываем! Оглядываюсь по сторонам и указываю взглядом на урну метрах в десяти от него. Радостно улыбаясь, он деловито шагает к урне. Я не дышу: лишь бы снова ни во что не вляпался!

До здания «Оушен» удалось дойти без приключений, что порядком подбодрило начальника после неприятных инцидентов. Он обещал «принять удар на себя» и «быстренько

порешать все вопросы», после чего хотелось ударить его сумкой по голове, дабы привести в чувство. Неужели Рябинов на самом деле думает, что мы зашли в «Оушен» по нелепому письму с предложением о сотрудничестве?! После стольких лет работы в корпоративных продажах он все еще верит в чудеса?! Я даже пожалела, что не сообщила о дружбе папá с Алексеем Константиновичем, но сейчас это явно было бы лишним. Поэтому, прикусив язык, я внимала его речам и крепко сжимала сумку в руках.

Приемная президента «Оушен» похожа на склеп: огромный холл с выкрашенными в светло-серый цвет стенами и полами из мрамора того же цвета. Четыре колонны, расположенные по центру в форме ромба, подпирают пятиметровые потолки. Секретарша преклонного возраста гордо восседает за длинной белой стойкой, напоминающей гроб, и тонкими пальцами перебирает какие-то бумаги. У кого-то явно пунктик на размерах, совсем как у Рябинова! Откуда эти имперские замашки? Единственное, что радует взгляд во всем этом безобразии – эта самая секретарша. Потрясающе выглядит: благородно-седые волосы собраны в высокую прическу, аккуратный макияж, идеальный маникюр. Сразу же обращаю внимание на жемчужный комплект в розовом золоте – серьги, ожерелье и кольцо – восхитительно!

– Феофан Эрнестович освободится в течение десяти минут, – четко выговаривая каждое слово, изрекает она, после чего в приказном тоне обращается к молоденькой блондин-

ке, переминавшейся с ноги на ногу возле стойки (я даже не сразу ее заметила): – Елена, помоги гостям раздеться!

Блондинка подсакивает, вырывает из наших рук верхнюю одежду и куда-то исчезает. Рябинов почему-то морщится, хотя по классике жанра он должен был одарить девушку мечтательным взглядом и облизнуться.

– Разрешите проводить вас в переговорную. Как только Елена вернется, она предложит вам напитки.

Удивительно, как эта особа в ее-то возрасте может ходить на высокой шпильке, держать при этом идеальную осанку и совсем не хрустеть суставами. Очевидно, бывшая балерина, не иначе!

Усаживаемся за длинный, но узкий – менее полутора метров – стол из дерева (у президента «Оушен» явно какие-то комплексы!). Из окна открывается удивительный вид на Москву, но я не успеваю им насладиться, так как Рябинов принимается кричать мне на ухо:

– Какая фамилия у этого Феофана?

– Терехов, – отвечаю я и вздыхаю: вечно он все забывает!

– Конечно! – он бьет себя ладонью по лбу. – Почему ты мне раньше не сказала?

– Это не закрытая информация. А в чем, собственно говоря, дело?

– Все на мази! – он сияет. – Я с ним учился в одной группе в академии. Клиент точно наш!

Что-что? У меня пересохло во рту, а сердце бешено зако-

лотилось: это мой договор, мой! И мои переговоры, мои связи, моя идея – все мое! Это я напялила на себя дурацкое синее платье, которое искала несколько дней, собрала волосы в пучок, хотя я ненавижу эту прическу, два часа проторчала на маникюре, подбирая нужный оттенок красного! С трудом сдерживаю желание выцарапать Рябинову глаза: целый месяц готовилась к этой сделке, все шло идеально, но он украл мой звездный час!

– Чай, кофе или лимонад? – спрашивает показавшаяся в дверях блондинка.

– Капучино, – отвечает Рябинов, развалившись в кресле и расплывшись в довольной улыбке.

О, да, я знаю эту манеру: он всегда так делает, когда «все на мази»! Значит, на сто процентов уверен в успехе, иначе не позволил бы себе подобные вольности. Ненавижу его, ненавижу! Да, мы – одна команда, но только не сейчас! Эта сделка не должна была стать командной, она должна была стать только моей!

– Воды. С газом. И со льдом, – сухо произношу я.

– Не бойся, мы их сейчас сделаем, – Рябинов ободряюще треплет меня за плечо.

«Мы» в ключе всего происходящего звучит как издевка. «Мы» проведем переговоры, потом «мы» вернемся в офис и на очередном совещании у генерального Рябинов расскажет, как ОН сделал месячный план департамента за чашечкой кофе с однокурсником. Конечно, он упомянет мое имя, но это-

го никто не услышит... Генеральный похвалит, подчиненные будут восхищаться, подхалимы – падать к его ногам, а завистники – злобно шипеть в углу. Что остается делать мне? А я... Мне повезло: вхожу в круг избранных и называю его Витя, пусть только в глаза и при коллегах, и когда хорошее настроение. «Поэтому придется радоваться за успех Вити с остальными избранными, и нужно попытаться делать это искренне», – произносит здравый рассудок. Тщеславие рассыпается в проклятьях, потому что прекрасно понимает, что должность директора Департамента удаляется от нас, словно горизонт... Видимо, судьба решила, что на сегодня с Рябинова хватит злоключений и пора подсластить его участь.

Делаю глубокий вдох и с грустной улыбкой произношу:
– Конечно, мы их сделаем.

Ровно через десять минут, как и обещала секретарша преклонного возраста, в переговорную входит президент «Оушен» в компании Алексея Константиновича. Феофан Эрнестович Терехов практически на голову выше своего вице-президента. Он выглядит на тридцать с небольшим – крайне странно, ведь Рябинову уже сорок два. Быть может, Витя ошибся, и это не его однокурсник? Здравый рассудок крутит пальцем у виска: вряд ли имеются тезки с подобным ФИО.

Вьющиеся смоляные волосы, легкая небритость, узкий разрез черных глаз... Дорогой иссиня-черный костюм иде-

ально сидит на нем, а расстегнутая верхняя пуговица бледно-голубой сорочки – явно не по протоколу – напоминает окружающим, что здесь он – Бог. Здравый рассудок сразу же отчитывает меня за нездоровый интерес и заставляет перевести взгляд на более безобидный объект – Рябинова. Тот приоткрывает рот на пару секунд, но тут же приходит в себя и встает с места, чтобы обменяться рукопожатиями с пришедшими.

Я, как и предполагает этикет, продолжаю сидеть и лишь чуть заметно улыбаюсь, стараясь следовать совету здравого рассудка и не смотреть более на Терехова. Может, вообще покинуть помещение: тут все «порешают» и без меня, какой смысл отсвечивать рядом с Рябиновым? Еще этот Терехов, со своей небритостью и прищуром, уставился на меня, как на экспонат в Кунсткамере. Он смотрит с минуту, после чего через стол протягивает мне руку. Шутит? Это даже не смешно! Что он себе позволяет? Удивленно поднимаю глаза, но его не смущает мой недоумевающий взгляд, поэтому не остается ничего иного, как вложить в его руку свою ладонь. Не люблю, когда ко мне прикасаются посторонние люди. Мурашки пробежались сначала вверх, потом вниз – наверное, от злости... Впрочем, Терехов не собирался обмениваться рукопожатиями: он лишь чуть сжимает мою ладонь, после чего аккуратно освобождает ее, а его глаза еще больше сужаются. Извращенец какой-то!

Наконец все усаживаются, и наступает момент обмена ви-

зитками – любимый ритуал Рябинова. Свои визитки он заказывает отдельно – из пластика, с использованием объемного лака 3D и тиснением дифракционной фольгой – уж точно не под стать корпоративным. Сдерживаюсь из последних сил – еще немного и убью его!

Терехов берет в руки его визитку, внимательно изучает, и его глаза расширяются.

– Виктор? Вот так встреча! – он улыбается уголками губ.

Не-на-ви-жу!

– Действительно! Двадцать лет не виделись. С выпускного, да?

– Да. С чем пожаловал?

– Работать с вами хотим.

– Ты хочешь? – Терехов делает ударение на слово «ты».

– Я, – отвечает Рябинов, как ни в чем не бывало.

Не-на-ви-жу!!!

Алексей Константинович не без удивления наблюдает за всем происходящим: ничего себе переговоры! Он-то, конечно, знает, что Рябинов, с пафосом вещающий о перспективах сотрудничества, оказался здесь совершенно случайно. Строю из себя само равнодушие и скрываю взгляд от Терехова, потому что боковым зрением замечаю, как он продолжает смотреть на меня. Когда же, наконец, закончатся эти переговоры и мы уберемся из этого отвратительного места? Сколько еще будут длиться мои мучения?

Вскоре Терехову надоедает треп бывшего однокурсника

(или его утомило смотреть на меня?) и он встает с места:

– Прошу меня извинить, но вынужден удалиться. Господин Кузнецов продолжит встречу.

Он обменивается рукопожатием с Рябиновым и одаряет меня пронзительным взглядом, после которого хочется провалиться на нижний этаж подземной парковки.

Мы вернулись в офис к четверем. Рябинов сиял, как лампа дневного света, и это раздражало. Конечно, во время ланча я пела ему дифирамбы, хотя с большей радостью всадила бы вилку в его ногу. Впервые за долгое время сидела на встрече, как мебель, улыбаясь клиентам – он даже слова не дал мне вставить. Да и зачем – ведь Феофан – его приятель!

Увидев меня, Оля и Лидочка отворачиваются друг от друга, и, создавая вид бурной деятельности, принимаются стучать по клавиатуре.

– Договор уже отнесли на визу юристам, – деловито произносит Оля, не отрываясь от монитора. – Как все прошло?

– Отлично. Их генеральный оказался однокурсником Вити, – взяв себя в руки, я произношу это с восторгом.

– Можно подумать, ты об этом не знала, – ехидно замечает Лидочка. – Специально ведь его с собой потащила!

Что ж, это лучше – чем ничего. Пусть все думают так – хоть в чем-то будет моя заслуга, когда Рябинов будет почивать на лаврах.

– Не удивлена, – Аня вздохнула. – То есть план на февраль мы выполнили?

– Смогу точно сказать, когда они переведут деньги, – снимаю пальто.

– Маш! – к моему столу подбегает запыхавшийся Рязанов. – Клиент уже здесь. Пойдем?

Вздрагиваю от внезапного звонка мобильного телефона. На экране высвечивается фотография мамá в обнимку с Альфи – ее любимым созданием и, по совместительству, мопсом. Мамá обожает этого четвероногого дьявола, чем Альфи неизменно пользуется, тем самым еще больше раздражая папá.

Выключаю звук и возвращаюсь к работе: отчет за январь еще не готов, а понедельник уже близко. Вообще-то ежемесячный отчет – функционал Лидочки, но она последнюю неделю так занята соблазнением Рязанова, что времени на выполнение должностных обязанностей совсем не хватает. Конечно, я могла разораться и заставить ее сидеть до утра на рабочем месте, но не стала: единственное, что может отвлечь от ужасных воспоминаний об ужасных переговорах с ужасным Тереховым – работа.

Мамá никак не угомонится – звонит мне еще раз, и еще, и еще – до тех пор, пока я не отвечаю.

– Что случилось? Я на работе! – пытаюсь скрыть раздражение.

– Опять ты там засела! Немедленно собирайся и приезжай к нам. Ты забыла? Все гости в сборе!

Нет, я не забыла. Но ехать никуда не собираюсь – сейчас лучше провести время в офисе, чем в компании многочисленных друзей семьи. Конечно, иногда на подобных мероприятиях удастся обзавестись полезными связями, но сейчас я не предрасположена к общению.

– Я не смогу. Извинись за меня перед всеми, – на этой фразе я сбрасываю вызов.

Суббота, 02.02.2013

Просыпаюсь, как обычно, за полчаса до звонка будильника, встаю с кровати и, накинув плюшевый халат, плетусь в ванную. Прохладный душ смывает остатки сонливости и глупые сны: мне снились львы (именно львы, а не львицы), которые бегали за зебрами. И так – всю ночь. Наверное, я схожу с ума.

Расчесываю щеткой мокрые волосы и смотрю на свое отражение в зеркале: вчерашний инцидент словно выжал из меня все соки. Давно не выглядела так ужасно! Всему виной – Рябинов и его приятель, этот бестактный Терехов!

Медленно чищу зубы, размышляя, как бы все произошло, не окажись эта парочка однокурсниками. Наверняка, я бы сейчас купалась в лучах славы и, готовясь к вступлению в новую должность, заказывала бы новые визитки. А теперь Рябинов приписывает себе все лавры. Конечно, он поблагодарил меня «за наводку» и «отлично выполненную техническую часть», и я чуть было не задушила его после этих слов.

Наношу на лицо тоник, потом питательный крем и смотрю в зеркало на результат: лучше не стало. Нужно срочно отвлечься, и поможет только работа – этот прием всегда безотказно действует.

Ноутбук снова занимает место рядом с чашкой зеленого чая – проверяю электронную почту. Новых сообщений нет –

ни одного. Обновляю страницу – ничего не меняется.

Что ж, изменим сценарий: посвящу день себе любимой – схожу в спортзал, потом на массаж, потом в кино – для разнообразия. И никаких сопровождающих – за будни я пресытилась общением.

На экране мобильного снова высвечивается довольная мамá, прижимающая к себе мопса. Принимаю вызов и включаю громкую связь.

– Доброе утро. Ты дома? – спрашивает она.

– Да.

– Приезжай к нам! Мы соскучились, особенно Альфи.

Вряд ли Альфи по мне скучает: у нас весьма натянутые отношения – я не восхищаюсь его великолепием, не делюсь с ним завтраком, не таскаю его на руках, когда он устает гулять. Одним словом, отношусь к нему, как к собаке, с чем он не желает мириться.

– Нет, я уже распланировала весь день. Навещу вас на следующих выходных.

– Ты сегодня опять на работу? – недовольно фыркает мамá.

– Нет, и завтра тоже не пойду, – отвечаю я.

Потом мамá начинает нести какую-то милую чушь, через каждые десять секунд требуя от Альфи, чтобы тот перестал грызть тапок папá. Через несколько минут она все-таки понимает, что мопс бросит тапок только в том случае, если она немедленно закончит разговор и почешет ему пузо. Поэтому

му мы прощаемся (к моему облегчению), и я снова остаюсь наедине со своими мыслями. К понедельнику нужно срочно придумать план реабилитации: сделать «наводку» и «отлично выполненную техническую часть» своим достижением в сделке с «Оушен». В конце концов, Рябинов не отрицает мое участие в общем деле, он лишь преуменьшает мои заслуги. Очень преуменьшает... Практически сводит на нет! Интересно, если бы я наступила в фекалии, тогда Терехов оказался бы моим другом детства?

Час на беговой дорожке, час на силовых тренажерах, еще полчаса на беговой дорожке, бокал свежесжатого сока – апельсиновый, смешанный с яблочным – в баре, прохладный душ, час массажа, чайник зеленого чая с жасмином в баре – выхожу из спортзала весьма довольная собой и медленным шагом направляюсь к машине. Только три часа дня, а так хочется, чтобы поскорее наступил вечер. И уже нет желания идти в кино или еще куда-то: хочется прийти домой и лечь спать, чтобы этот день быстрее закончился. Возможно, завтра будет легче...

Понедельник, 04.02.2013

В 8-10 я с легкостью паркуюсь возле входа в офис. Выкуриваю сигарету, кладу в рот два мятных леденца и выхожу из машины. Сегодня серое здание кажется особенно зловещим. Наверное, потому что я не придумала, как сделать «наводку» и «отлично выполненную техническую часть» своим достижением в сделке с «Оушен». Двери лифта открываются, стоит только нажать на кнопку вызова.

Выхожу на четвертом этаже, медленно иду по безлюдному коридору и оказываюсь в пустом опен-спейсе. С минуту насладившись тишиной и темнотой, зажигаю свет в отсеке, подхожу к столу и включаю компьютер. Под чуть слышный шум вентилятора в системном блоке снимаю пальто и опускаюсь в кресло.

Через полчаса появляется Рябинов, вызвав своим визитом мое искреннее удивление: его рабочий день начинается не ранее 10–00. Весьма возбужденный, он ходит по нашему отсеку, заложив руки за спину и сплетя их в замок, задает вопросы и сам же на них отвечает – я даже не успеваю открыть рот. Как только появляется Аня в брючном костюме грязного серого цвета, он сразу же ретируется, оставив меня в недоумении.

– О, руководство с самого утра на посту, – с грустной улыбкой произносит Безухова и плюхается в кресло. – Об-

суждали совещание у генерального? Я все для тебя подготовила – вчера приходила в офис.

– Тебе не показалось, что Витя какой-то странный? – спрашиваю я.

– Он всегда странный.

Но мне так не кажется. Напротив, Рябинов – вполне себе нормальный тип, без особых отклонений: разве что отличается особым сочувствием к «убогим и обездоленным» и неумным интересом к женскому полу. Большую часть времени он пребывает в отличнейшем расположении духа, за исключением случаев, когда получает нагоняй от Петровича или от своей дражайшей супруги. Обычно мне не составляет большого труда понять настрой начальника и даже причины такого настроения, но только не сегодня.

Направляюсь на кухню, чтобы налить кофе, но звонок мобильного телефона заставляет вернуться.

– Доброе утро, Алексей Константинович, – отвечаю я как можно милее, хотя воспоминания о пятничных переговорах вызывают только негатив.

– Здравствуй, Мария. Уделишь мне минутку?

– Конечно! – сажусь в кресло, открываю органайзер и беру в руки карандаш.

– Новости у меня не очень: Терехов, похоже, не горит желанием работать с вашей компанией.

Хочу возразить, но не могу произнести ни слова. Как такое возможно? Я внимательно изучила рынок перед подго-

товкой предложения для «Оушен» – наши условия были наилучшими! К тому же, в случае подписания договора, все бы- ли бы в плюсе – мы увеличиваем портфель на десять процен- тов одной сделкой, клиент минимизирует расходы через схе- му, которую я разработала специально для них! Через схему, которую я разработала и о которой даже ничего не рассказа- ла на встрече, потому что Рябинов отодвинул меня на второй план и вещал сам. Вместо того чтобы хорохориться, вспо- миная студенческие годы, лучше бы озвучил все преимуще- ства сотрудничества с нашей компанией! С большим трудом возвращаю себе жалкие крупички самообладания, чтобы про- должить разговор.

– И что же конкретно не понравилось Терехову? Навер- ное, я не самым лучшим образом презентовала проект. Быть может, нам провести еще одну встречу? – закусываю ниж- нюю губу и черкаю в органайзере зигзаг.

– Дело вовсе не в тебе, а в твоём начальнике. Терехов, похоже, не хочет работать именно с ним.

– Но, мне показалось, что...

– Тебе показалось, – перебивает меня Алексей Константи- нович. – Мне очень жаль, но сделать ничего не смогу. Кста- ти, тебе Терехов просил передать привет.

– И ему тоже, – с горечью произношу я. – Спасибо, Алек- сей Константинович. Сейчас соберусь с мыслями и озвучу Виктору.

– Он в курсе. Что ж, не смею тебя больше отрывать. Жаль,

что не смог быть полезен. До встречи.

– До свидания, – отвечаю я и сбрасываю вызов.

Мысли собираются быстрее, чем я ожидала: вот почему Рябинов был такой странный утром! Он знал, но ничего не сказал мне. Точнее, он что-то бурчал себе под нос, но разобрать речь, похожую на бред сумасшедшего, было невозможно. Интересно, кто же ему сообщил? Никак однокурсник, с которым все должно было быть «на мази»! Он даже не заметил явных признаков того, что Терехов отнюдь не радовался встрече и захотел отказать нам, как только понял, кто перед ним сидит! Так еще и меня Рябинов убедил в своем успехе. «Мы их сейчас сделаем!» – вспомнила я его слова и усмехнулась: и кто кого?

– Привет, девочки! – Лидочка, одетая в короткую норковую шубку и небесно-голубое платье чуть выше колена, грациозно всплывает в отсек. – Как выходные?

На самом деле ей наплевать, у кого как прошел уик-энд. Судя по недвусмысленному румянцу на Лидочкиных щеках, ясно, что у нее-то все прошло отлично, чем она хочет незамедлительно поделиться. Но Аню вообще мало интересуют любовные похождения, а мои мысли заняты исключительно сложившейся ситуацией с «Оушен», поэтому мы обе молчим, чем, безусловно, оскорбляем Ландышеву до глубины души.

– Я к Вите, – встаю из кресла, хватаю мобильный телефон и быстрым шагом удаляюсь.

К Рябинову я захожу без стука, как всегда. Он сидит за большим письменным столом в своем большом кабинете, но кажется, что окружающий гигантизм не приносит ему никакой радости.

– Мне звонили из «Оушен», – подхожу к столу и сажусь в удобное кресло напротив него. – Видимо, нас отошлют, – Рябинов никак не реагирует, и я продолжаю. – Терехов не хочет с нами работать.

Чего стоит не сорваться и не обрушиться на него с обвинениями! Но я держу себя в руках, тем более что выглядит он более чем подавленно. Даже начинаю про себя называть его Витей – а это явный признак того, что я искренне сочувствую и бывшие обиды забыты.

– Со мной не хочет работать, – он поднимает на меня глаза и с горечью улыбается. – Этот козел – злопамятный!

– Когда ты успел перейти ему дорогу? Вы же не виделись двадцать лет.

– Тогда и успел. В институте переспал с его женой.

– Что?! – не в силах сдерживать эмоции, я вскакиваю с места. – И ты говорил, что сделка у нас в кармане?!

Мне снова хочется убить его. Да что с ним такое, в конце концов?! Его нездоровый интерес к женскому полу уже начинает негативно отражаться на работе.

– Я же не знал, что он в курсе! – оправдывается он. – Чего ты разоралась?

– Прости, – сажусь на место, хотя с большей радостью вы-

кинула бы Рябинова из окна.

– В общем, у нас проблема, – он обхватывает голову руками.

Ура! Мне даже не пришлось объяснять, что его похоть разрушила сделку века! И мои планы тоже! Оказывается, судьба не сжалилась над ним, когда подсунула под ноги фекалии – это было лишь началом конца. Надеюсь, на этой ноте сюрпризы закончатся и не выяснится, что за выходные Рябинов успел переспать с женами всех наших крупных клиентов. Выглядит он не очень... Поделом ему, конечно, но я все равно искренне сочувствую: мы же одна команда и я называю его «Витей», так что мне положено сопереживать и поддерживать в трудный момент. Тем более, теперь у нас есть общий враг – Терехов. Ну уж нет, я не позволю Феофану Эрнестовичу испортить все мои планы! Делаю глубокий вдох и бодро произношу:

– Подумаешь, проблема! Найдем другого клиента! Мы и так выполним план за квартал – в марте у меня стройка в Питере, там двадцать миллионов. Еще самолеты – мы уже выиграли тендер, на следующей неделе заключим договор, и к концу месяца нам переведут пятьдесят миллионов. Наскребем как-нибудь...

Витя никак не реагирует, и это пугает: что еще могло произойти?

– Или я чего-то не знаю? – спрашиваю я.

– Я сказал Петровичу про «Оушен», – и он смотрит на

меня глазами теленка, которого тащат на бойню.

Порохов Юрий Петрович – наш генеральный директор – человек слова. Главный его принцип – «Сказано – сделано», и каждый, кто отступает от святейшего правила, жестоко карается. И кто тянул его за язык? Мое сочувствие усиливается во стократ. Отчасти, это эгоизм: если позиции Вити пошатнутся, Петрович сможет подыскать замену, и неизвестно, как я уживусь с новым начальником.

– Скоро совещание, – смотрю на часы. – Возьми себя в руки, как-нибудь выкрутимся.

Но выкрутиться мы не смогли: пока Петрович вещал о перспективах светлого будущего и ставил Рябинова в пример коллегам, тот молчал и глупо моргал. А я сидела рядом с каменным лицом, уставившись в одну точку. По окончании совещания нас и вовсе ждал суший ад: коллеги подходили по очереди, поздравляли, жали руку Рябинову и широко улыбались мне. Это конец...

Четверг, 07.02.2013

Часы в нижнем правом углу монитора показывают 18–10, и сотрудники медленно, но верно, собираются по домам. Мой мобильный истошно вопит и начинает метаться по столу, высвечивая на экране незнакомый номер.

– Слушаю, – прикладываю телефон к уху.

– Мария? – на другом конце провода раздается приятный баритон.

– Да.

– Это Терехов. Вам удобно сейчас разговаривать?

– Вполне, – сухо отвечаю я.

И что ему нужно? Хочет сам мне сказать, чтобы мы катились куда подальше со своим предложением о сотрудничестве?

– Знаете, – он на несколько секунд замолкает, – быть может, мы встретимся сегодня и еще раз обсудим ваше предложение?

Он, что, издевается? Или это финальный аккорд того самого конца, который нависает над Рябиновым и мной с понедельника?

– В каком составе? – спрашиваю я и беру в руки карандаш.

– В составе нас двоих: Вы представляете проект, я принимаю решение – зачем еще кто-то?

Нервно сглатываю: не по протоколу. С чего бы ему со

мной встречаться? На секунду задумываюсь: похоже, у меня нет выбора.

– Хорошо. В вашем офисе или в нашем?

– Предпочитаю на нейтральной территории, – он хихикнул, или мне показалось? – Рядом с вашим офисом есть ресторан «Латта», буду там через час. Устроит время?

– Хорошо.

– Отлично. До встречи.

Он, правда, хихикнул или мне показалось? Ведь это просто деловой ужин – ничего более? Пусть среди бреда, который нес Рябинов на переговорах, не было ни слова о работе, но у Алексея Константиновича были презентационные материалы со всеми нашими условиями. Быть может, он смог объяснить президенту, что негоже отказываться от выгодного контракта только по той причине, что когда-то двадцать лет назад жена Терехова отказаться не смогла? Если, конечно, Алексей Константинович знал такие подробности... Быть может, сейчас я спасу деловую репутацию Рябинова, за что он будет благодарен до конца своих дней и немедля повысит меня до директора департамента? Быть может...

– Я пойду домой, – многозначительно произносит Лидочка, всем своим видом давая понять, что если она и собирается домой, то явно не к себе.

Поворачиваюсь в ее сторону и вижу на ее шее платок потрясающего синего цвета.

– Можешь идти куда угодно, только мне нужен твой пла-

ток! – вскрикиваю я.

– Что? – ее глаза округляются.

– Ты слышала. Давай его сюда!

Даже невозмутимая Аня отрывается от монитора и с интересом наблюдает за происходящим. После недолгих колебаний Лидочка все-таки снимает платок и вручает его мне. Что-то пробормотав себе под нос, она хватается сумку и уходит.

– Вечером на свидание? – спрашивает Аня, внимательно осматривая меня с ног до головы.

– Нет, деловой ужин.

– Нет... – она вздыхает и отворачивается.

Хостесс провожает меня к столику, за которым уже сидит Терехов: снова небритый и с прищуром, но преисполненный чувства собственного достоинства. Когда он видит меня, то его глаза сужаются еще больше, и я чувствую легкое смущение: зачем только нацепила на себя этот дурацкий платок?! Это же просто деловой ужин – на скольких таких я уже перебивала! Хорошо, что хватило ума не заплетать волосы, а то Терехов точно решил бы, что я пытаюсь его соблазнить. Деловой ужин, просто деловой ужин...

– Мария, – он поднимается, помогает мне сесть и возвращается на свое место. – Очень рад встрече.

– Взаимно, – я улыбаюсь как можно сдержаннее. – Надеюсь, не заставила вас долго ждать.

– Нет.

– Что предпочитаете в качестве аперитива? – раздается голос появившегося, словно из-под земли, официанта.

– Воды. С газом. И со льдом, – отвечаю я.

– Аналогично, – Терехов усмехается и, как только официант исчезает, обращается ко мне. – Вы не употребляете спиртное?

– Я за рулем.

Он замолкает и утыкается в меню. Я же вообще не хочу есть, напротив: меня мутит. Терехов совершенно не умеет себя вести! Наверняка он специально пытается вывести меня на эмоции, но не дожидается: буду самым спокойствием и невозмутимостью! Если бы этот платок не сдавливал шею, мешая дышать, все было бы замечательно! Терехов скрупулезно листает меню и недовольно морщится. Если он был таким же двадцать лет назад, вовсе не удивительно, что его жена решила на адюльтер!

Наконец он все-таки находит в меню блюдо, отвечающее его изыскательному вкусу, и взглядом подзывает официанта. К моему удивлению, этим блюдом оказываются всего лишь равиоли, фаршированные белыми грибами. Я отказываюсь от еды.

– Блюдете фигуру? – интересуется Терехов.

– Вовсе нет: просто я не голодна, – отвечаю я и делаю глоток воды.

Посмотрев мне в глаза, он снова усмехается, ожидая ка-

кой-то реакции. Держусь с ледяным спокойствием, хотя дурацкий платок обжигает шею все сильнее и сильнее.

– Ну что ж, Мария. Если вы не возражаете, можем приступить к нашему вопросу, – и, не дождавшись моего ответа (вдруг я бы возражала?), он продолжает. – Я внимательно ознакомился с вашим предложением, не признать новизну которого – было бы глупостью, и был приятно удивлен. До этого «Оушен» сотрудничал с несколькими страховщиками, но никто из них ничего подобного предложить не мог или не хотел.

– Но все-таки вы отказались от наших услуг, – сквозь зубы произношу я.

– Только чтобы поддержать в тонусе вашего руководителя! – он весело смеется. – По-моему, это вполне удалось.

– Более чем.

Ненавижу его! У него точно какие-то комплексы, иначе, зачем вытворять подобное?

– Но я вовсе не намереваюсь мучить вас, – он улыбается и чуть наклоняет голову вбок. – Насколько мне известно, всем занимались именно вы.

– Именно.

– Ну что ж, можем поздравить друг друга, – и он протягивает мне руку.

Жуть как не хочется прикоснуться к нему, но здравый рассудок подсказывает, что в сложившейся ситуации капризы неуместны. Какой же этот Терехов... неприятный! Выплес-

нуть бы содержимое бокала ему в лицо, чтобы смыть эту самодовольную ухмылку! «Нужно ответить на рукопожатие!» – прикрикивает здравый рассудок, и я, скрепя сердце, подчиняюсь. Терехов пару секунд медлит, потом чуть склоняет голову и касается губами тыльной стороны моей ладони, после чего освобождает мою кисть.

Тщеславие захлебывается от злости: Феофан Эрнестович решил поиграть? Он ни с кем нас не перепутал? Решил, что ему все можно? Не знаю, с кем он там привык общаться, но с нами такие шуточки не пройдут. И пусть он подавится своей сделкой – мы не позволим какому-то там пижону, будь он хоть властелином мира, вести себя подобным образом. Пусть это непрофессионально, глупо, опрометчиво – неважно. Возможно, родители были правы – карьера – это не наше... Здравый рассудок рассыпается в проклятьях, а тщеславие потирает ручонки: сейчас мы поставим на место этого негодяя!

– Феофан, мне, определенно, льстит ваша благосклонность, но я не привыкла к тактильным контактам с малознакомыми людьми, – произношу я, смотря ему в глаза. – Надеюсь, вы с пониманием к этому отнесетесь. Если после подобной дерзости с моей стороны вы примете решение поддержать в тонусе и меня – что ж, это ваше право.

Он даже приоткрыл рот от изумления. Тщеславие ликует, самолюбие отбивает барабанную дробь, а здравый рассудок падает в обморок. Возможно, мои слова прозвучали слиш-

ком резко, но я и так сдержалась, чтобы не послать его куда подальше.

– Приношу извинения, Мария, – спустя какое-то время произносит Терехов. – Впредь этого не повторится. И я вовсе не считаю подобное замечание дерзостью. Мне жаль, что... доставил вам неудобства.

На его лице нет обычной усмешки и надменного прищуря. Значит ли это, что он говорит серьезно? Или это снова дурацкая игра? Становится тяжело дышать: то ли от волнения, то ли от духоты, то ли из-за мерзкого платка, обвившего шею, словно питон. Аккуратно, чтобы не подавиться, делаю глоток воды и, сдерживая дрожь в руках, ставлю бокал рядом с собой. Терехов внимательно смотрит на меня, очевидно, ожидая ответа.

– Благодарю, – нейтральным тоном произношу я.

– Не стоит, – он улыбается. – Что ж, если вас больше ничего не смущает в моей манере общения, то мы можем вернуться к рабочим моментам. Или смущает? – левый уголок его губ поднимается вверх.

С трудом сдерживая смех, поджимаю губы и лишь отрицательно качаю головой в ответ. Уверена, Терехов видит меня насквозь, поэтому теперь он улыбается и глазами.

– Равиоли, – произносит появившийся официант, ставит большую тарелку перед моим собеседником и обращается ко мне: – Не передумали?

Понимая, что это единственный шанс отвлечься, прошу

принести меню. Официант удаляется буквально на несколько секунд, после чего передает мне в руки папку из приятной на ощупь кожи. Хватаюсь за нее, как за спасательный круг, и углубляюсь в чтение, стараясь сосредоточиться на названии блюд и составляющих их ингредиентов.

– Мария, – произносит Терехов и, дождавшись, когда я посмотрю на него, продолжает: – Простите за дерзость, но у вас очень красивая улыбка, – и он снова улыбается.

Я не могу сдержаться и еле заметно, но все-таки улыбаюсь в ответ. Конечно, Терехов – не такое чудовище, которым казался мне еще несколько минут назад, но здравый рассудок подсказывает, что нужно держаться от него на расстоянии. Интересно, а какие планы относительно меня у Феофана Эрнестовича?

Пятница, 08.02.2013

Оказываюсь на рабочем месте только в 10–30 утра. На моем столе стоит огромная корзина с ярко-оранжевыми цветами, а в нее аккуратно вложен бежевый конверт без логотипа формата С4, на котором написано каллиграфическим почерком: «Варнас Марии». Лидочка и Аня повернули головы и в тишине следят за каждым моим движением. Извлекаю из конверта содержимое и невольно приоткрываю рот – прошитый договор с «Оушен». Пролистываю и вижу подпись Терехова. Хотя какая-то польза от вчерашнего вечера! Впрочем, все было не так ужасно: после комплимента относительно моей улыбки мы перешли к рабочим моментам, которые обсуждали до конца ужина. Через полтора часа я все-таки набралась храбрости и сообщила, что мне пора идти, иначе эта встреча никогда бы не закончилась. Я даже хотела закрыть счет, но Терехов смерил меня уничижительным взглядом, поэтому ничего не оставалось, как попрощаться с ним и испариться.

– Что там? – спрашивает Аня.

– Ничего, просто договор, – отвечаю я.

– От кого? Там в цветах еще записка, – Лидочка приподнимается, но заметив мой строгий взгляд, сразу же садится на место. – Мы ничего не трогали!

Распечатываю маленький конвертик и обнаруживаю там

визитку Терехова. На оборотной стороне написано таким же каллиграфическим почерком: «Жду скан счета на свою почту». Меня одновременно охватывают и паника, и радость. Здравый рассудок вопит, сдабривая вопль нецензурной бранью, что все это не к добру, что стоит подвеситься на синем платке, который я вчера нацепила на «деловой ужин», причем сделать это нужно как можно быстрее, пока Терехов не добрался до меня, напомнив про «должок». В такт тщеславию, напевающему «Ты – самая умная, ты самая – красивая», самолюбие триумфально дудит в фанфары, пытаюсь тем самым заглушить вопль здравого рассудка.

Прячу визитку в карман брюк, беру договор в левую руку, правой рукой достаю из сумки мобильный телефон и направляюсь к Рябинову.

– Привет, – сажусь в кресло напротив него.

– Привет, Маш, – он продолжает стучать пальцами по клавиатуре. – Через два часа совещание у Петровича.

– Я поэтому и пришла, – с этими словами кладу договор ему на стол.

– Что это? – он отвлекается.

– Договор с «Оушен».

– Зачем он мне? – он грустно вздыхает и отворачивается.

– Подписан с их стороны.

Рябинов вскакивает, потом снова садится, выпивает стоящий перед ним бокал воды, снова встает, хватая договор и принимается ходить по кабинету, внимательно вчитываясь в

документ. Снова бормочет себе под нос что-то нечленораздельное, то хихикая, то сокрушаясь. А когда, наконец, убеждается, что это не шутка, садится в свое кресло и внимательно смотрит на меня.

– Откуда это у тебя? – спрашивает он со всей серьезностью, на которую только способен.

– Сегодня утром прислал Терехов, – выговаривая каждое слово, отвечаю я. – Ему нужен скан счета прямо сейчас.

– Даже не хочешь знать, что ты для этого сделала! Но ты спасла мою задницу.

– Неужели? – я улыбаюсь. – Давай не будем заставлять Терехова ждать, пока он не передумал. Сможешь подписать счет и договор у Петровича?

– Я сейчас сам все сделаю. Посиди пока тут, сейчас Настя принесет тебе кофе или чай, или еще что-нибудь.

И он убегает из кабинета, крепко прижимая к себе договор. Когда я остаюсь одна, здравый рассудок и тщеславие снова затевают свой спор с такой силой, что у меня начинает болеть голова. Закрываю глаза и сразу же вижу перед собой Терехова: он щурит глаза и ухмыляется.

Вечером Рябинов собрал наш департамент в близлежащем пабе. Сажу за столиком с Аней, пью зеленый чай и наблюдаю за коллегами: изрядно подвыпивший Шаров что-то вещает новой сотруднице Алевтине – эффектной платиновой блондинке лет двадцати пяти; Лидочка вьется вокруг

Рязанова, одаряя его томными взглядами и похотливыми улыбочками, а он пытается абстрагироваться и обсуждает с Моськой выполнение плана за первый квартал.

– Когда можно будет уйти? – интересуется Аня. – Ненавижу корпоративы!

– Прямо сейчас, – отвечаю я.

– Ты не обидишься?

– Нет. Я сама скоро уеду: хочу провести отпуск у родителей.

– Тоже мне отпуск! Ты в четверг уже будешь на работе.

– Этого хватит, – я улыбаюсь.

– Ладно, я поехала. До четверга.

Она встает, снимает свою куртку с вешалки и, по пути одеваясь, направляется к выходу. Но я недолго наслаждаюсь одиночеством: ко мне подсаживается Шаров.

– Признайся, крошка Мэри, как тебе удалось влезть в «Оушен»? – спрашивает он, и черти в его глазах танцуют сальсу.

Кому-нибудь другому я бы ответила, что сделка с «Оушен» – это показатель моего профессионализма и деловой хватки, но только не Шарову. Почему он вообще интересуется?

– Вообще-то, это заслуга Вити, – изображаю улыбку.

– Да ладно? А кто прислал цветы, тоже не расскажешь?

К чему он клонит?! Сохраняю внешнее спокойствие, хотя по спине пробегают мурашки: вверх, вниз и снова вверх.

– Ты слишком любопытный, Георгий.

– А ты – зануда, – он морщит нос. – Лучше я вернусь к Алевтине.

– Удачи.

Как только Шаров уходит, его место сразу же занимает Рябинов, разгоряченный парой литров, а, может, и больше, эля.

– Куда Безухова делась? – спрашивает он.

– Ей срочно пришлось уехать: какие-то семейные проблемы.

– У нее? – он смеется. – Она же не замужем!

– Я тоже, если ты не забыл.

– Я не успеваю следить за твоей личной жизнью! – его смех становится еще громче.

Я достаю из пачки сигарету и закуриваю.

– Варнас, бросай курить: тебе это не идет!

– По-моему, ты должен петь мне дифирамбы, а не отчитывать, – язвительно произношу я.

– Так о тебе же забочусь!

– Ну-ну.

– Что хотел Шаров?

– Узнать подробности сделки с «Оушен». Я сообщила, что это твоя заслуга, – выпускаю струйку дыма. – Но я нахожу его интерес нездоровым.

Рябинов сразу же делается серьезным. Видимо, он тоже не доверяет Шарову.

– Ты мне лучше вот что скажи: Терехов прислал цветы?

Причем здесь Терехов? Разве это так важно? Мне не раз присылали цветы на работу – клиенты, поклонники, даже родители – на прошлый день рождения. Прежде никого не волновала личность отправителя, так что же изменилось теперь?

– Без комментариев.

– Значит, он. Я-то заметил, как он на тебя пялился на той встрече. Будь осторожней, он тот еще козел!

Козел? После вчерашнего ужина Феофан Эрнестович вызывает у меня другие ассоциации. Без сомнения, местами он крайне самодоволен, но в общем и целом производит положительное впечатление. Что-то в нем есть такое... «Даже не думай!», – здравый рассудок топает ногами.

– Странно слышать это от тебя. По-моему, это ты развлекался с его женой.

– Ты за него заступаешься? – Рябинов приподнимает брови.

– Давай закроем эту тему, – тушу сигарету в пепельнице и кладу в рот два мятных леденца. – Я поеду: до Звенигорода – далеко, а уже девять.

– Позвони, как доедешь. Хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

Но я не позвонила: какой смысл? Наверняка Рябинов напился до потери сознания и вряд ли бы смог ответить на вызов. Да и после всего произошедшего за неделю хотелось, на-

конец, побыть одной и ни о чем не думать. Особенно о Терехове, который никак не выходит из головы.

Суббота, 09.02.2013

Лежу на большой кровати звездочкой и внимательно осматриваю потолочные балки, как будто в причудливом узоре древесины зашифрованы ответы на все вопросы. Проходит десять минут, двадцать, тридцать, а я продолжаю неподвижно лежать, уставившись в потолок. Перед глазами возникают образы из юношества, связанные с родительским домом: первая собака – сенбернар Билли; первый поцелуй в беседке, обвитой плющом (пока взрослые готовят шашлык); первый мопед... Тогда все было просто и предельно понятно, и так нестерпимо хотелось повзрослеть! А сейчас почему-то хочется вернуться назад... Не то чтобы я недовольна своей жизнью – как раз наоборот, но... Здравый рассудок демонстративно откашливается в кулак: когда человек доволен, не бывает никаких «но», а тщеславие лишь фыркает в ответ: мы – не обычные, поэтому у нас все не так, как у других! У нас свой путь, не как у всех, поэтому нам позволено иметь «но» даже при крайней удовлетворенности жизнью. Ведь у нас все отлично, не так ли? И эти маленькие «но» не испортят общей картины... Чувствую головокружение, и потолочные балки начинают медленно опускаться. Закрываю глаза. «У нас все отлично, все отлично, отлично...», – повторяю про себя, словно заклинание, но почему-то не становится легче, поэтому я вскакиваю с кровати и спешу в ванную.

Прохладный душ постепенно приводит в чувство: я даже ловлю себя на том, что улыбаюсь. В конце концов, я все-таки в отпуске – вдали от офиса, коллег, клиентов... И господин Терехова – вот уж от кого необходимо держаться подальше! «Да-да, не забывай об этом!», – здравый рассудок грозит пальцем.

Закутавшись в зеленый плюшевый халат, чищу зубы и смотрю на себя в зеркало: откуда взялся этот дурацкий румянец? Как будто мне снова шестнадцать и собираюсь сбежать из дома, когда родители заснут. Чуть какая-то! Полощу рот, умываюсь холодной водой и снова смотрю в зеркало: румянец не исчезает. Наверное, это из-за свежего воздуха, успокаиваю себя я.

Мама́ и папа́ восседают за кофейным столиком в гостиной, пьют чай с круассанами и что-то живо обсуждают. Она, как всегда, великолепна, хотя на часах только десять утра: идеальная укладка, легкий макияж, аккуратный маникюр. На шее – нитка жемчуга. Одета, как всегда, не по-домашнему: кремовая блузка с коротким рукавом, коричневые брюки с завышенной талией, на ногах – кремовые лодочки. Ну кто так ходит дома? Тем более, в десять утра! Чувствую себя некомфортно в свободных хлопковых брюках и футболке с бразильским флагом – сейчас мама́ снова меня отчитает за безвкусию. Увы и ах! Я не привыкла с самого утра собирать прическу – мои волосы длиною до лопаток всегда

распущены, за исключением редких случаев. И я никогда не накладываю макияж, если знаю, что не нужно никуда выходить. И я не одеваюсь дома, словно, допив кофе, нужно бежать на работу в лицей. Похоже, многолетние усилия мамá воспитать во мне леди не оправдались. Я даже не окончила музыкальную школу по классу фортепьяно – что было изначально неудачной затеей ввиду отсутствия и слуха, и голоса. Я даже бросила балльные танцы, и художественную школу, и не поступала на факультет изящных искусств ввиду отсутствия творческого начала в принципе. Я даже не умею вышивать! И собирать икебану тоже. То, что я свободно говорю на трех языках, с отличием окончила факультет «Страхование» в Финансовой Академии, сделала неплохую карьеру – это все не волнует мамá. Потому что леди в ее понимании не занимаются подобными пустяками – они сидят дома и обхаживают мужа, окружая его и себя великолепием.

Родители так увлечены беседой, что если бы не недовольное тьякканье Альфи, мое присутствие осталось бы незамеченным. Оба сразу замолкают и виновато улыбаются, из чего можно смело сделать вывод – обсуждали меня.

– Доброе утро и приятного аппетита, – делаю вид, будто ничего не заметила.

– Доброе, – мамá вскакивает с места. – Будешь завтракать? Странная у тебя футболка...

– В Бразилии купила. Я возьму что-нибудь из холодильника и вернусь в комнату: нужно немного поработать.

– Опять? – папá приподнимает брови. – Мы думали, что ты в отпуске.

Мама́ лишь устало вздыхает и снова опускается на стул, а Альфи презрительно смотрит на меня, высунув язык и тяжело дыша.

Поездки в гости к родителям грозят развитием комплекса неполноценности – все чаще и чаще мама́ и папá смотрят на меня с сожалением и изрекают: «Ну, ничего, ничего, все наладится». Им невдомек, что у меня и так все в порядке (ну, или практически все), хотя мой образ жизни не совсем укладывается в их идеальный мир: мужа и детей нет, есть только работа – разве это нормально? Ведь у моих предков всегда было иначе: женщине предназначалась роль хранительницы очага, не обремененной ничем иным, кроме как заботой о себе любимой, муже и потомстве. Так было всегда, словно само собой разумеющееся, а я со своими карьерными амбициями нарушаю вековые традиции славного семейства...

Мой прапрадедушка по отцовской линии Антанас Варнас эмигрировал из России в Швейцарию в 1904 году – как будто знал, что империя дышит на ладан, а царской семье скоро не поздоровится. Кстати, когда он покидал Россию, то успел вывезти с собой не только беременную первенцем жену, но и все нажитое – уже тогда его капитал, сколоченный на торговле, вызывал зависть у многих. Он умер в 1935 году в день своего шестидесятилетия.

Прадедушка, Йонас Варнас, был очень дальновидным че-

ловеком. Он не стал дожидаться, пока Европу затрясет от нацистской лихорадки, и уехал в США, где каким-то образом во время Великой депрессии сумел в несколько раз преумножить свое наследство.

Дедушка, Антанас Варнас, родился в 1938 году в Нью-Йорке. Он был долгожданным ребенком – до этого у прабабушки два раза случались выкидыши. С малыша сдували пылинки и всячески баловали, из-за чего он вырос самовлюбленным и эгоистичным. Однако в 1957 году он познакомился с бабушкой и так влюбился, что любви на себя уже не хватало. Именно из-за нее он и вернулся в Европу.

Мой папá, Йонас Варнас (и что за дурацкая привычка называть детей именами дедушек?!), родился в Женеве в 1962 году. Дедушка и бабушка положили весь мир к его ногам – благо, финансовые возможности позволяли. Папá развлекался, как мог, пока в 1981 году не встретил мамá. И с момента этой встречи он не мыслил жизни без нее.

Мамá была дочкой советского дипломата. Красивая и беспечная девушка сводила с ума многих, но свое сердце она отдала папá. Дедушка по материнской линии, Александр Тимофеевич Ковалев, не пребывал в особом восторге от душевной привязанности единственной и обожаемой дочери Надюши (о чем он постоянно сообщал до самой своей смерти), но не стал мешать ее счастью. Видимо, дедушка был на хорошем счету, если появление зятя-иностранца не стало поводом репрессий...

– Мари, нельзя столько работать. Да и зачем? – продолжает папá.

Работа у родителей не в особом почете: зачем тратить силы и время, если денег и так более чем достаточно, и для получения состояния они не сделали ничего, кроме как родились в нужное время, в нужном месте и в нужных семьях. Хотя, папá кое-что делает: незначительно преумножает семейные финансы, полностью полагаясь на своего управляющего. Но мне хочется своих побед и своих свершений: что в этом странного? Очаг и потомство меркнут в сравнении с перспективами карьерного роста и совершенствованием на профессиональном поприще. Признание заслуг в коллективе и уважение среди партнеров, на мой взгляд, куда более важные атрибуты успеха, нежели восторг домашних по поводу приготовленных кулинарных шедевров и восхищение гостей умело подобранным декором жилища. Ведь если я родилась в нужное время, в нужном месте и в нужной семье, вовсе не означает, что я должна провести свою жизнь по стандартному для нескольких поколений сценарию. Конечно, я пользуюсь привилегиями клейма «дочка богатых родителей»: живу в квартире, купленной папá специально для меня (правда, последний ремонт я делала уже за свой счет); принимаю подарки от родителей (но только по поводу – Новый год, 8-е Марта и день рождения); иногда даже провожу отпуск в нашем испанском доме (только потому, что безумно люблю это место); самые крупные мои клиенты – знакомые

папá и мамá – взять хотя бы «Оушен»... Нервно сглатываю.

– Я решительно тебя не понимаю: что за юношеский максимализм?! – возмущается папá.

– Пожалуй, мне пора, – разворачиваюсь и быстрым шагом покидаю гостиную.

Да уж, отпуск обещает быть незабываемым! Лучше бы улетела в Европу, чем слушать бесконечные нотации. Комплекс неполноценности уже мчится ко мне на всех парах.

Альфи следует за мной и внимательно наблюдает, как я достаю из холодильника йогурт. После того, как я не убираюсь восвояси, а осмеливаюсь нажать на кнопку кофемашины, он начинает громко лаять. На кухне сразу же появляется мамá.

– Альфи, малыш, в чем дело? – интересуется она.

– Ему жалко продуктов, – отвечаю я, наливая молоко в капучинатор. – Да, Альфи? Какое вкусное молоко, м-м-м, – закатываю глаза. – Жалко, что ты на диете!

Альфи начинает метаться по кухне и лаять еще громче: за еду он готов убить любого. Тем более что теперь еда у него по расписанию – ветеринар настоятельно рекомендовал не перекармливать.

– Мари, как тебе не стыдно! – мамá пытается поймать его. – Ты же знаешь, что это весьма болезненная тема!

Но мне совсем не стыдно: смотря в глаза Альфи, открываю йогурт и делаю большой глоток, после чего собака впадает в неистовство. Это не может остаться незамеченным –

на кухню прибегает папа.

– Что здесь происходит? – интересуется он.

– У Альфи бешенство, – отвечаю я. – Вы ему делали прививку в этом году?

– Не говори глупости, – у мамá, наконец, получилось изловить любимца. – Конечно же, он полностью здоров!

Я лишь пожимаю плечами, забираю кофе и удаляюсь, дабы не вызвать у Альфи новый приступ истерики.

Под симфоническую музыку изучаю правки юристов клиента в проект договора страхования и грустно вздыхаю: порезвились на славу! Вот только местами мелькает слишком своеобразное видение Гражданского кодекса, далекое от официальных комментариев. Представляю, как порадуетя начальник юридического управления, Аркадий Белочкин! Несмотря на премилую фамилию, в выражениях он никогда не скупится, так что юристы клиента будут прокляты в лучших традициях Аркаши. Кстати, этот самый Аркаша до недавних пор был предметом обожания Ландышевой – похоже, она ходит на работу только для того, чтобы найти себе мужа. По опен-спейсу даже витал слух, будто эту парочку неоднократно замечали после работы в близлежащем ресторане. Не знаю, что у них там случилось, но теперь Лидочка переключила свое внимание на Рязанова. Бедный Петя, как долго он сможет сопротивляться?

Раздается стук в дверь, после чего в комнату wpłyвает ма-

ма́.

– Уверена, что не присоединишься к нам? У Зайцевых должно быть весело, – произносит она и поправляет и без того идеальную прическу.

– Конечно, нет, – отвечаю я – Меня пугает это семейство, особенно их старший сын.

– Андрюша? По-моему, он весьма мил, – мама́ грациозно прохаживается по комнате, шурша складками темно-бордового платья в пол.

– Ты это серьезно?

Андрюша Зайцев похож на зайца: соломенные волосы, водянистые глаза, курносый веснушчатый нос и, конечно же, чуть приподнятая верхняя губа, что, впрочем, не мешает ему считать себя обворожительным красавцем. Его скудный ум постоянно генерирует нелепые идеи, которые сразу же озвучиваются, приправленные не менее нелепыми шутками невольного попад, что, впрочем, также не мешает ему считать себя оратором и остряком. Андрюше невдомек, что девицы томно вздыхают исключительно по банковским счетам и недвижимости его семейства, нежели по нему. Его родительница, Алла Гениевна (неужели ее отца и в самом деле звали Гением?), подыскивает тридцатипятилетнему сыночку подходящую партию, ввиду чего постоянно по поводу и без оно́го устраивает в своем большом доме (самом большом в поселке) светские (как ей кажется) рауты. Не знаю, зачем мои родители посещают эти ужасные мероприятия. Быть может, им

просто скучно? Или же это соседская солидарность?

– Бывает и хуже, – мамá пожимает плечами. – Что ж, не буду тебя отвлекать. Увидимся вечером, если ты еще не будешь спать. И не обижай Альфи!

Мы с Альфи, устроившись на большом кожаном диване, смотрим «Могамбо». Потрясающие виды Африки (вот где я давно мечтала побывать!), не менее потрясающий актерский состав (Кларк Гейбл хорош и в пятьдесят, хотя он уже совсем не Ретт Батлер), неплохой сюжет – все как я люблю! Вот только по мере развития событий становится как-то неловко за героиню Грейс Келли: девушка самых честных правил и тут – такое! Успокаиваю себя тем, что это всего лишь кино, и в жизни подобного не может произойти, но мерзкое чувство стыда почему-то продолжает накрывать меня с головой. «Хорошо, что мы не такие! Вот мы бы никогда не пали так низко!», – фыркает тщеславие. «Конечно! Мы не убежали с кем-то, мы просто убежали – это же все меняет!», – изрекает здравый рассудок и иронично улыбается, а по спине пробегают мурашки.

Подливаю в бокал вина и делаю пару глотков. Все-таки тщеславие право: мы не такие.

– Мари! – раздается позади радостный голос papà. – Мы вернулись!

Сразу переключаю на спортивный канал, дабы не вызвать выбранным фильмом подозрений в неудовлетворенно-

сти жизнью, которая, несомненно, полностью меня устраивает.

Воскресенье, 10.02.2013

Сижу в беседке, обвитой черным стеблем плюща, и дрожу: февральская ночь холодна, как никогда прежде. Надо бы встать и бежать в дом, но я не могу сдвинуться с места.

– Мари, – раздается где-то вдалеке голос мамá. – Где ты, Мари?

Хочу кричать, но не могу разомкнуть покрытых инеем губ.

– Где она? – слышу знакомый мужской голос, но не могу понять, кому он принадлежит. – Мария!

Наверное, это конец – я словно примерзла к кованой скамейке. Осталось совсем немного, еще чуть-чуть.

– Мария! Мария! – голос раздается совсем рядом.

Открываю глаза, размыкаю губы и делаю глубокий вдох: это всего лишь сон. Я в своей комнате, в тепле, и смерть от холода мне не грозит. Поднимаюсь с кровати и подхожу к окну: беседка, обвитая черным стеблем плюща, освещается по периметру наземными светильниками и не выглядит так ужасающе, как в моем сне.

На часах – семь утра. Наверняка домашние еще спят. Немного побродив по комнате, отправляюсь в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Страшный сон, точнее, знакомый мужской голос, никак

не идет из головы. Кому же принадлежал этот приятный и волнующий баритон? Возможно, я всего лишь схожу с ума. Возможно, предельные нагрузки на работе дают о себе знать – если не хочу оказаться на кушетке у психоаналитика, пора сбавить обороты. Возможно, события последней недели негативно отразились на душевном равновесии и не нужно принимать все происходящее столь близко к сердцу. Возможно, мне просто необходим отдых. Возможно.

Закутавшись в плюшевый халат, медленно выхожу из ванной и снова направляюсь к окну: беседка все так же стоит на своем месте и все так же освещается по периметру. Поразмыслив немного, возвращаюсь в кровать.

После завтрака я решила прогуляться с Альфи, чему тот не особо обрадовался: любые нагрузки у ленивого мопса не в почете. Но мамá, помня о советах ветеринара, с воодушевлением отнеслась к моему предложению и тут же принялась одевать любимца в теплый водонепроницаемый комбинезон. Альфи, осознававший, что моя забота – не что иное, как нежелание гулять в одиночестве (вызывая тем самым подозрение родителей и соседей), с ненавистью смотрел на меня и недовольно фыркал каждый раз, когда мамá обувала его короткие лапы в ботинки.

На улице холодно, даже очень. Альфи, недовольно тьякая, плетется за мной по укатанному снегу – сразу понятно, что от прогулки он не в восторге. Мы бредем по аллее, обса-

женной невысокими елями – красиво заснеженными, словно на открытке. Впрочем, весь поселок с говорящим названием «Dream Ville» выглядит как декорация к какому-нибудь фильму об утопичном городке, где все шикарно и жизнь изо дня в день удивительно приятна. Словно высокий кованный забор огораживает от проблем внешнего мира...

– Маша! Маша! – раздается позади меня.

Оборачиваюсь и вижу бегущую ко мне соседку. Она машет рукой, и мне приходится изобразить улыбку, хотя с большей радостью я бы побежала в противоположную от нее сторону.

– Привет-привет, – она улыбается в ответ, демонстрируя свежееотбеленные зубы.

Соседка моих родителей, Венера, выглядит как большинство жителей поселка: красивая и ненастоящая. Впрочем, не мне судить, потому что моя улыбка на данный момент куда более фальшивая, нежели ее.

– Почему вчера тебя не было у Зайцевых? Они даже пригласили оркестр!

– Неужели? Целый оркестр? Симфонический, я надеюсь?

– Ну... – задумчиво произносит она. – Не знаю... Они джаз играли, а не симфонии...

Иногда мне кажется, что у Венеры нет мозгов в принципе. Впрочем, не мне одной: ее родители, с которыми она живет, частенько жалуются на нехватку интеллекта у их старшей дочери. К слову, обе ее младшие сестры уже давно живут само-

стоятельно, и только тридцатидвухлетняя Венера все никак не выпорхнет из родительского гнездышка.

– Тебе не спится? Я увидела вас и тоже решила прогуляться. Давно мы не болтали.

– Э-э-э, да, – с трудом сдерживаюсь, чтобы не послать ее куда подальше. – Но мы скоро уже пойдем домой: Альфи замерз.

Словно в подтверждение моих слов, мопс громко тьявкает. Венера выглядит расстроенной. Чувство вины приоткрывает один глаз и зловеще улыбается.

– Но ты можешь зайти к нам на чашечку кофе, – спешу оправдаться я.

– Конечно! – она сияет. – Я тебе столько сплетен расскажу!

Вечером наша семья собирается в столовой. Мама́, как обычно, при параде – блузка цвета розовой вишни, заправленная в серые брюки с завышенной талией; волосы заколоты шпильками; глаза аккуратно подведены, губы накрашены нежно-розовой помадой; на шее – нитка жемчуга. Она выставляет на стол очередную партию кулинарных шедевров в элегантной сервировочной посуде и зажигает свечи. Папа́ откупоривает бутылку красного вина и разливает по бокалам. Потом помогает мама́ сесть и занимает место во главе стола. Они обмениваются улыбками. Мне хочется провалиться в подвал, или еще глубже. Или сказать что-нибудь гадкое. Или хотя бы встать и молча уйти. Но, как в сегодняшнем сне,

я не могу ни сдвинуться с места, ни разомкнуть губ.

Понедельник, 11.02.2013

– Как спалось? – спрашивает мамá и ставит передо мной бокал свежавыжатого сока. – Здесь только апельсин, яблоки закончились, – она виновато улыбается и занимает место напротив.

– Печально, – делаю пару глотков. – А спалось, как всегда, замечательно.

Я обманула: спалось ужасно, что за последнюю неделю уже становится закономерностью. Сегодня приснилось, как я блуждаю по садовому лабиринту из высокой живой изгороди, тщетно пытаюсь найти выход. А еще я снова слышала мужской голос, который звал меня. Одним словом, ночка еще та!

Альфи недовольно твякает, словно уличая меня во лжи.

– Доброе утро! – в столовой появляется радостный папá. – Надюша, пакуй чемоданы: в среду едем в северную столицу – Эльдар отмечает свой юбилей. Мари, ты с нами?

– Я должна быть на работе в четверг, – искренне радуюсь тому, что нашлась отговорка от посещения очередного семейного праздника.

– Твой дядя расстроится! – мамá качает головой.

– Это вряд ли, – беру круассан и отщипываю от него небольшой кусок.

Мой дядя (если, конечно, так можно назвать троюродного

брата мамá – тоже мне родственник!) не питает ко мне никаких теплых эмоций, возможно, задетый тем, что я не устроила к себе на работу его любимого сына – Сергея. А с чего бы мне поступать иначе? Во-первых, его больше интересовали московские клубы, нежели карьера; во-вторых, трудоустройство родственника, пусть и дальнего, вряд ли прибавило мне баллов в глазах руководства; в-третьих, умственные способности всего дядиного семейства оставляют желать лучшего.

– Нам пора поговорить, – папá садится за стол. – Почему ты не хочешь общаться с родственниками?

О да, началось... Еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Это вовсе не так, – делаю глоток сока. – Просто у меня нет на это времени.

– А на что у тебя есть время помимо работы?

Папá хмурит густые брови и сжимает тонкие губы. В детстве или юношестве меня непременно напугало бы его выражение лица, но только не сейчас. Тщеславие кричит во все горло, что мы не должны выслушивать нотации, а здравый рассудок приказывает сидеть на месте и изображать раскаяние.

– На семью, – отвечаю я как можно мягче. – При первой возможности я всегда еду к вам.

Папá приоткрывает рот, чтобы возразить, но не успевает вымолвить ни слова – мой мобильный звонит и на экране высвечивается фото Рябинова. Изображая глубокое разоча-

рование и негодование, принимаю вызов и прикладываю телефон к уху.

– Маш, привет! Не занята? – спрашивает Рябинов.

Как будто моя занятость когда-нибудь его останавливала!

– Здравствуй, – отвечаю я. – Что-то случилось?

Конечно же, я знаю ответ на этот вопрос: если бы ничего не случилось, он бы мне не позвонил.

– Посмотри почту: хочу услышать твое мнение, прежде чем озвучить предложение клиенту. По-моему, Ландышева как-то хреново все расписала. Перезвони мне, ладно? Только это очень срочно, мне надо переслать все Петровичу.

– Хорошо, сейчас займусь, – выключаю телефон, беру со стола бокал сока и встаю. – Нужно поработать, спасибо за завтрак.

– Опять? – папá сдвигает брови. – Мы разговариваем.

– Мы много раз обсуждали мою работу, и ничего нового друг другу не скажем. Но я услышала тебя и постараюсь чаще присутствовать на семейных праздниках.

– Боже, – мамá вздыхает. – Кого мы вырастили...

Пожимаю плечами и удаляюсь из столовой под недовольное твяканье Альфи. Здравый рассудок подсказывает, что я могла бы быть помягче с папá и изображать раскаяние более убедительно. Но, в конце концов, и мое терпение не безгранично! Тщеславие вопит изо всех сил, обвиняя родителей в наплевательском отношении к нашим достижениям. Когда они только поймут, что у меня свой путь?

Рябинов был прав: Лидочка, действительно, расписала все хуже некуда. Сам виноват: не надо было навязывать мне ее замещение! Аня куда больше подходила на эту должность, но ее он почему-то недолюбливал. Возможно, ему претил внешний вид Безуховой. Тоже мне эстет нашелся! Конечно, ему виднее, ведь это он, а не я, заместитель генерального директора! Вот и правил бы сам бред своей любимицы! «Вечно мы за ним все подчищаем!», – возмущается тщеславие и с отвращением морщится.

О чем Ландышева только думала в процессе подготовки коммерческого предложения: о новом платье или о новом ухажере? Отправляю исправленный текст Рябинову и закрываю ноутбук, хотя в почте висит еще тридцать непрочитанных писем: я слишком зла, чтобы сейчас на них отвечать – я все-таки в отпуске! «Пока мы злимся, часть сообщений перешлют Лидочке, а она сегодня в ударе!», – произносит здравый рассудок. Тяжело вздыхаю и открываю ноутбук, а в мыслях рефреном звучит вопрос папá: «А на что у тебя есть время помимо работы?».

Ноутбук я закрываю только в три часа дня. Похоже, идея с отпуском не удалась: почта завалена сообщениями, а телефон не умолкает с самого утра. Наверное, я должна радоваться: вот она, карьера! Но всему есть предел. И у всех есть свои обязанности! Например, у Ландышевой есть обязанность заменять меня в мое отсутствие (насколько, конеч-

но, это возможно), а у меня есть обязанность хотя бы немного отдохнуть во время короткого отпуска. Тогда почему я заменяю сама себя, в то время как Ландышева отдыхает?

Беру в руки мобильный телефон, намереваясь позвонить Рябинову и излить на него праведный гнев, но вижу значок сообщения – это Шаров отправил очередную шуточку в Whatsapp. Стараюсь сдерживать улыбку, но не могу: его шутки всегда смешные. Спустя минуту от него приходит очередное сообщение: «У нас совещание, а я в ноль. Похоже, Рябина запалил. Скажу, что ты мне не дала, поэтому я надрался с горя;»». Праведный гнев, предназначенный Рябинову, рвется наружу – Шаров окончательно утратил связь с реальностью?! Хочу написать кучу гадостей, но лишь набираю «Тупая шутка» и нажимаю на отправку сообщения. К счастью, на этом наша переписка заканчивается.

Вторник, 12.02.2013

Глубокая ночь. Черное небо усеяно яркими звездами. Полная луна освещает морскую гладь. Я медленно бреду по холодному песку. Ветер становится все сильнее, и продолжать путь уже практически невозможно. Оглядываюсь в поисках укрытия, но пустынный пляж простирается вплоть до горизонта. «В воду... В воду...», – слышу я чей-то голос и не смею послушаться.

Вода очень теплая, и я спешу полностью в нее погрузиться, чтобы не чувствовать холода. Как приятно... Сделав глубокий вдох, окунаюсь с головой. Морское дно усыпано лепестками роз. Откуда им здесь взяться? Хочу вынырнуть, но не могу: что-то тянет меня вниз. Пытаюсь вырваться, но не получается. Воздуха катастрофически не хватает. Бесполезно...

Открываю глаза и делаю глубокий вдох, но не помогает – меня трясет. Да что происходит? Неужели я и впрямь схожу с ума? Идея обратиться к психоаналитику с каждым ночным кошмаром кажется все менее безумной. Включаю ночник, поднимаюсь с кровати и медленно плетусь в ванную: нужно смыть очередной дурной сон, пока он не впитался в кожу. Под прохладными струями воды дрожь постепенно проходит, и с каждой секундой мои нервы успокаиваются. Всего

лишь кошмар – зря я так испугалась! И вовсе нет необходимости в визите к психоаналитику – я всего лишь переутомилась. И еще... На меня удручающе действует окружающая обстановка – идеальный дом в идеальном поселке с идеальными жителями. И меня раздражают нравоучения папá, великолепие мамá и недовольство Альфи. Хватит!

Сворачиваю с проселочной дороги на трассу, делаю музыку громче и закуриваю: наконец-то возвращаюсь домой! И ничуть не смущает тот факт, что на часах всего лишь 4-30 утра – кто рано встает, тому, как известно... Дорога практически пустая, но я еду со скоростью 90 км/ч, наслаждаясь каждым проделанным километром на пути к свободе. Я люблю родителей (и даже Альфи), но на расстоянии эта любовь будет гораздо крепче.

– Пятая колонка! – кричит на весь зал рыжеволосая касирша. – Пятая!

Достаю из холодильника бутылку воды и иду к кассе, по пути роюсь в сумке в поисках кошелька.

– Мария? Доброе утро.

Поднимаю глаза и вижу перед собой Терехова. По спине пробегают мурашки: вверх, вниз и снова вверх. С обычным прищуром он осматривает меня с ног до головы, после чего с еле заметной улыбкой произносит:

– Не ожидал вас увидеть в столь ранний час.

«Как же чудесно, что перед выходом мы нарядились! И то, что мы в меховой жилетке и в сапогах на шпильке, а не в пуховике и уггах! Похоже, Феофан Эрнестович остался доволен нашим внешним видом!», – радуется тщеславие, но сразу же получает подзатыльник от здравого рассудка.

– Москва – маленький город, – пожимаю плечами, демонстрируя безразличие.

Его глаза сужаются еще больше, а улыбка становится более заметной, словно ему удалось уличить меня в показном равнодушии.

– Пятая колонка! – еще громче кричит кассирша.

– До свидания, Феофан, – произношу я и, с трудом сдерживая дрожь в коленях, продолжаю свой путь к кассе.

Интуиция подсказывает, что Терехов смотрит мне вслед (или мне хочется, чтобы он смотрел?). Откуда он только взялся на заправке в пять часов утра?! Здравый рассудок подсказывает, что нам нужно быстрее убираться отсюда, дабы избавиться себя от лишних проблем, и я не могу с ним не согласиться. Но рыжеволосая кассирша будто бы нарочно возится со сдачей, заставляя меня оставаться в замкнутом пространстве с Феофаном Эрнестовичем.

– Третья колонка! – кричит другая кассирша, высокая упитанная женщина с очень короткой стрижкой.

Боковым зрением замечаю, что Терехов подходит к кассе, и у меня возникает желание бежать со всех ног. Наконец рыжеволосая отсчитывает сдачу, и я складываю купюры и мо-

неты в кошелек в надежде поскорее исчезнуть из поля зрения Феофана Эрнестовича, но он уже забирает свой чек.

– А я-то думал, чей SLK так одиноко стоит возле колонки, – с улыбкой произносит он, когда мы пересекаем зал, направляясь к выходу. – Вам нравятся родстеры?

– Да, – отвечаю я и, увидев возле третьей колонки синий Mercedes GL, изображаю улыбку. – А вам нравятся внедорожники?

– Зимой выбирать не приходится, – он усмехается.

Хочется открыть бутылку воды и облить его. Меня раздражает его самонадеянность! И этот взгляд с прищуром, и эта усмешка...

– Что ж, еще раз до свидания, Феофан, – делаю вид, что не заметила колкий комментарий в свой адрес.

– Будьте осторожны на дороге, Мария, – он улыбается. – До встречи.

Теперь тщеславие топает ногами и вопит во все горло, проклиная Терехова и желая ему поскользнуться и разбить самодовольную физиономию об лед. Не-на-ви-жу! Сажусь за руль, включаю зажигание и хватаюсь за руль. Здравый рассудок настоятельно рекомендует не газовать, а медленно выехать с заправки и продолжить путь в среднем ряду со скоростью 90 км/ч: не стоит демонстрировать импульсивность, да и Терехов очень быстро нас обгонит и уберется восвояси. Интересно, куда это он собрался в пять утра? И откуда он едет? Хотя, какая мне разница? Еще крепче сжимаю руль и

трогаюсь с места.

Выезжаю на трассу и перестраиваюсь в средний ряд, придерживаясь рекомендованной здравым рассудком скорости. Через несколько минут меня обгоняет синий GL, чему я несказанно рада: теперь-то я точно доеду до дома без приключений и неприятных (или все-таки приятных?!) встреч. Тщеславие продолжает проклинать Терехова, временами отдавая должное его потрясающему внешнему виду, а здравый рассудок пытается заставить меня не забивать голову глупостями и сосредоточиться на дороге. Вьющиеся смоляные волосы, легкая небритость... Нет, мне все это ни к чему! Пусть Феофан Эрнестович едет своей дорогой, а я поеду своей. Остается только надеяться, что больше наши дороги не будут пересекаться нигде, кроме работы. Узкий разрез черных глаз, нахальная улыбка... Достаяю из пачки сигарету и закуриваю. Хватит думать о нем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.